

Сергей ЕРОФЕЕВ

**Анданте
для комуса и струнных**

**Новокузнецк
2014**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ЕРОФЕЕВ

Анданте

для комуса и струнных

Новокузнецк
2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е 78

ЕРОФЕЕВ Сергей Сергеевич

Анданте для комуса и струнных / Сергей Ерофеев ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2014. – 60 с., фото.

© Сергей Ерофеев, 2014

Сергей Ерофеев

Родился в 1984 году

Вместо вступления

Эхо

Грани зыбких красот – облака –
поливают меня кислотой;
серпантином драконы впотьмах
истекают слюдой,

мечут пламя из уст в уста,
разверзают тугой туман...
И не дастся рукам страсть та, –
капля серы разъест земли длань.

И мне не до смеха,
мне не до смеха, –
сорок дней каменным эхом:
«Ом»...

В лодке к Чёрной Земле душ мгла,
из-под век, да во рту – деньга,
скисшего молока река,
да комками кисель в берегах...

Лица навий на виселицах
отпевают мово мертвеца –
бездыханного молодца,
да с клевцом посередь сердца.

И мне не до смеха,
мне не до смеха, –
сорок дней каменным эхом:
«Ом»...

Что ни утро, то мне плевать:
море – в очи, а горы – с плеч...
Воевать али пировать –
всё равно, лишь бы грусть развлечьь.

А ночами горят леса;
стылый звёздами небосвод
от экватора к полюсам
вдовью песню дракона льёт.

И мне не до смеха,
мне не до смеха, –
сорок дней каменным эхом:
«Ом»...

Дмитрий Гребенщиков

Пролог

Моему комусу

1

Под язычком послушного комуса
Колблется немеркнувшая нить...
Движений цепь не силься полонить –
Ты принуждён звучать в устах уруса.

Пока ещё играет в прятки муза,
Пока чисты образчики желаний,
Томимый осознанием искусства,
Отверзни двери таинства преданий,

Восстань из бездны тягостных исканий
И помоги мечтанья обновить...
Мой проводник и кладезь вечных знаний,

Земной металл, способный возродить
И страх и страсть ушедших состояний,
Сумею ли тебя я покорить?

2

Сумею ли отвадить злые сны,
Где выйдет боком каждая помарка,
Где, услышав Благоую весть от Марка,

Воспрянут телом мёртвые сыны
И стражи мирового зоопарка –
Башибузуки царства сатаны?

Сумею ли? Немолчное создание
Подарит мне мелодику крестин,
И три слона, в межзвёздье мирозданья,
Низвергнут прах с натруженных хребтин,

Под язычком послушного комуса
Дугою изогнётся дума-нить...
Её плетенье не остановить
Рукой и волей странного уруса...

Часть первая

Легенда о Кузедее

Глава первая

Споём, кому-с, и вспомним о былом:
Сломаем кругляши мирских печатей,
Отыщем пепел, чтоб уткнуться лбом
В торец полатей.

Споём, мой друг. Споём, что всё вокруг
Незыблемо, но всё ж неодолимо
Изменчиво, – чредой тележных дуг
Плывёт помимо...

Хмельная песнь низринется в огонь,
Пламенногривый поутихнет конь,
Окрепнет дума,

Вплетясь в венки негаснущих речей,
Сакральный танец матовых плечей
И толщ Молдума.

1

Темны века, но тьма ещё темней,
Тягучи волны сонного потока...
Устал очаг... Глас дочери пророка
Исполнился безбрачием теней

И цепью фраз... Ещё гудки заводов
Не оглашали выморочный быт;
Лесоповалом русских хороводов
Не орошались нёба горных плит,

Манчжурских армий бронзовый оскал,
Польстившись на пушнину и металл,
Не излучал языческого ига;

Не утруждался выбором ярма
Служивший на границе задарма
Премьер-майор Франтишек де Гаррига;

*

Рассеянное не было в цене,
Рассветные – не столь плакучи – ели,

Ещё не пробудились вполне
Заплоты, маяки и цитадели;
Крестя и отпевая на берегах,
Не просиял в глуши отец Василий,
Не отлегла тропа людских бессилий,
Теряясь в припорошенных стогах;
Ещё не все киргизские роды
Несли дары от дебрей и воды,
Признав в орле всесильного кумира, –
Когда слова сплелись на алтаре
В непамятном простылом сентябре,
И песня обратилась плотью мира.

2

Едва лишь стал вытягиваться в гору
Ермацкого наследья буйный век, –
Уже служилый пришлый человек
По косогору

На головёшках сгубленных трудов
Сажал ростки заборов и рогаток
И тыном огороженных заплаток
Недосадов.

Твердя: «Не зря, не зря, не зря, не зря», –
Молитвами избранного царя
И властью светской

Творил он под заклатья топора
Не выселки, не стан, не хутора,
А град Кузнецкой.

*

Лишающим готовился приют –
Лихим стопам, отторгнутым коленам,
И вызов кочевавшим за Уеном
Насельникам каркасных тюркских юрт.

Преданьям вторя,
от столбов стены,
Покинув впопыхах родные крыши,
Берёзок звонких рощицы-акчыши
Шагнули в хмарь отпрянувшей страны.

Святым глаголом, спорым ли мечом,
Скупым братаньем, рыхлым калачом,
А толь искусством толмача-поляка,
Ковался ключ к далёкой Уч-Сюмар –
Вожди себя отписывали в дар,
Примером ставя князя Базаяка.

3

А между тем в сени живых вершин
Алтайского белёсого бурнуса
Сбиралась рать в поход на злого русса,
Склоняясь перед волею старшин.

Мирскую соль и тайны ведовства
От древних переняли эти люди –
Десятки сотен рериховской чуди –
Клеймённые заложники вдовства.

Поднятые

в воздушных волнениях,
Кольчужной глади хладных завихренях,
Они ступали, и земля томилась...

Единый прах, воссозданный вершить,
Единой силой силу сокрушить,
Чтоб песня в мира плоть не обратилась.

*

Когда ж просторы поперхнутся кровью,
Когда, пришельцам жертвою грозя,
Наметится обратная стезя
К Средневековью,

Казачьи крепки сгинут без следа,
Нарывы скроет снега одеяло, –
Истории такое иногда
Перепадало...

Хмельная песнь растрочена до дна,
И зольная прокралась седина
В девичьи ласки.

Рождай, комус, над брением веков
Неясный гул мятущихся подков
Из страшной сказки.

Междуглавие

Устали ноги вдавливать шаги,
Устало тело, вдохами редя,
От дивных глаз батыра Куздея
Остались неприметные штрихи

Под млечными косматыми бровями.
Цикл нерушим, и непреложен срок, –
Предания раздроблены в песок,
Песок исчез меж крупными камнями.

Смерть временит, и множатся стада,
Ожгла и распрощалась страда,
Курумами оплыли павших лики;

Старик Молдум глядит на старика,
И движет величаяя река
К острожным башням солнечные блики.

Глава вторая

Запомним вехи сладостных тревог,
Запомним, как светило утонуло,
Переступив озёрного зарок
Баянаула,

Как, прошивая коконы эпох,
Всползая по колоннам мирозданья,
Всеведущий готовил ложе мох
И назиданье

Бодрящимся в рифмованной сурьме
Кромешного стального буриме, –
Так интересней,

Чем соблазняться нежитью чудес
Истлевших и истаявших телес
Из Песни песней.

4

Единственный и чаемый финал
Езды верхами долгой, многодневной, –
Что заточённой нервной королевной
Воителей не мешкать заклинал, –

Прокладывал им путь Калмыцкой гатью
К приабинским аилам кузнецов,
Привавших на уделах мертвецов
Пленяющее крепостью и статью

Кольцо из бревен, сбитых в частокол,
Дозорных вышек дощатый сокол,
Накаты изб и лица, лица, лица...

Нездешние – с иной, чужой тоской –
Впитавшие сибирский непокой,
Не норовя однажды им напиться.

*

Достигнув складки голого увала,
Дорога расплескалась по лугам;
Подставив струи вторгшимся ногам,
Она у самых яслей пролегала.

Взяв тяжкий лук и кожаный колчан
Отвыкшими от юности руками,
Пред пришлыми друзьями иль врагами
Привстав на перевёрнутый топчан,

Возник жилец встревоженного дола.
Острей, чем боль студёного укола
Проснулся возглас в сумрачных рядах:

«Ты, Кузедей?» Зарвавшееся эхо –
Сварливых склонов редкая утеха –
На радостях затихло словом «Да».

5

Единый прах повыдался на шаг
Единой силой, к взору прикипая,
Не веря или недоумевая...
«Пусть будет так...»

Всесильные сыны полдневных круч,
Иззубренных бездонностью промоин,
Мы думали, что ловок и могуч
Великий воин.

А ты едва удерживаешь лук...
Не мучайся, не надо стольких мук, –
Твоим скотам ничто не угрожает.

То старость отверзает мрака пасть
Для поколений, призванных отпасть,
То песня мира плоть уничтожает».

*

Еловых лап протянутые длани
Ещё шадит сознание певца:
Морщины кузедеева лица
Открылись жару рыкающей рани.

Над берегом, где вырастут редуты
И крыши приграничного села,
Над бором, над плесканьем водной смуты
Взвилася оперённая стрела,

И дрогнул мир воссозданных вершить –
Пример тому, что может предрешить,
Сбирая силы, правый человек:

Дремавшая во власти бестревожья,
От темени до самого подножья,
Скала располовинилась навек.

б

«Встань прежде нас, прославленный боец! –
Воззвали рати. – Пусть ты и не молод...
И мы наденем жертвенный венец
На новый город...»

Открой нам путь, и с измахом десным
Уроним чаны хлопкового масла
На москвитян несбыточные сны, –
И вспыхнут прясла...

Повырежем сей род до холодов,
Возьмём Сибирь, Сибирь своих дедов –
Свое кормило!..»

Старик ответил: «Я на их посту
Поклялся в вечной верности Христу
И Михаилу.

*

Акчышей выюга движется на юг,
А я движенью этому внимаю...
Вам надлежит земель оставить круг
Ещё до соков будущего мая, –

Во мрак пещер, куда пути мне нет,
Сойти, отдав пришельцев половодью
Укрытый вами знаний древний свет,
Чтоб песня обратилась мира плотью».

Споём, кому, над брением веков,
Споём, мой друг, над негой сонной ласки,
Над куполом недужных облаков,
Влеченьем сказки...

Сомкнутся веки, пламенных идей
Уж нет как нет, истаивает дума
О том, что в вечность канул Кузедей
Средь толщ Молдума.

Интерлог

Село на границе горного округа

1

Вдоль дефиле, в клоках седых осин,
Ухваченное долом за пороги,
Не достигая жертвенных трясин
В безмерном упоении тревоги,

Не омочив ступней у камыша,
Лежит село, рождённое статутом, –
Придавлена вобановским редутом
Удалая сибирская душа.

Скитальцы-песни, звуки вороша,
Дыша на перетянутые струны,
Вонзают в кожу солнечные руны...

Напитываясь жаром постоянства,
Врастают в даль истерзанного ханства,
С азартом, два чугунных крепыша.

2

Увесистой монаршая тамга
Сухой лозы демидовского пыла,
Но в доле братской равно невзлюбила

Смутьяны-песни... Ну, без дураков, –
Чем наполнять утробы рудников –
Под боком непролазная тайга...

Тут многие, не будучи глупцами,
В тенёта уходили насовсем,
Одoleвать когда-то праслепцами
На брение променянный Эдем,

Маячащий в величии картин
Иль миражей зубчатого Алтая,
Что иногда, прикрыв глаза от мая,
Возможно видеть с линии куртин...

Часть вторая

Временной круг. Зарисовки XX века

Посвящается памяти Валентина Александровича Кабина,
беседы с которым навсегда изменили меня...

Зима

Январь – Иглы. Транссиб.

Усопшая и стылая тайга
Окурена крещенскими ночами,
Обрамлена погасшими свечами;
Она и неомыта, и нага.

В просторе хрустком крова не найти,
Лишь саваном спелёнут блеск наитий,
Да слышно как трещат стальные нити
Великого Сибирского пути.

Меж иллюстраций терпкого гипноза
Исколот странник иглами мороза
Бредёт один в крепчающей тиши

Навстречу затаившемуся утру,
Шепча полумолитву-полусутру
Спасения затерянным в глуши.

Февраль – Истома. Тайбинка.

Влечёт на воздух, выйти вон из дома,
Достичь уклона и остановиться,
Внезапной переменной насладиться,
Неверного поветрия истома.

Проникнув в лёгкие, пьяня, и, убеждая,
Что оживут белённые вазоны,
Пропев над островком японской зоны,
О вишнях и скитаньях самурая,
Раскинувшись позёмкой влажных стонов,
Она покинет поле терриконов
И где-то схлынет по-над Маганаком...
Отроги Салаира в возбуждении,
Весеннее встречают пробужденье
И явственным, и долгожданным знаком.

Весна

Март – Вести. Ишим.

Смиренный выдох сломленной зимы
И жадный вдох дикарки непогоды...
От похоти бунтующей природы
Оттаивают звуки кутерьмы...
Сереет даль, сминаются покровы,
И вороньё, скопившись над крестами,
Улусами и русскими местами
Разносит весть про брачные обновы,
Уже приуготовленные к пиру.
Освобожденье тварному кумиру
По окончании нещадного поста
Пообещает колокол соборный...
Земная смерть вновь стала иллюзорной,
А жизнь – не столь безлика и пуста.

Апрель – Сила. Мундыбаш.

Изножия заплаканных гольцов
Взломали трав родильные потуги,
И страж небес
в сакральном звёздном круге
Переменяет овнов на тельцов...
Немолчен хор, но голос силы тих...
Слагая смыслов тяжкие вериги,
Отыщется в животней пыльной книге
Кровавой Пасхи высветленный стих.

Для водников, пониже Чугунаша,
Всё делится на прошлое и наше –
Воскресный луч, тысячеглавый страх...

Прозрев Голгофу жертвенного Лога,
Ушла к Перстам бурунная дорога,
Неся с собой вчерашней были крах.

Май – Стези. Салаир.

Обветренные, сглаженные горы –
Свидетели триумфов и падений –
Стезями планетарных совпадений
Грядут века в сырые ваши норы

Сокровищниц, жилищ, подземных келий
И открывают тайные преданья,
Стремления, грехи, исповеданья
И строчки о цветении камелий...

Подновлена чернильными ночами,
Ручьёв беспутных пряными речами
Чумышская неровная преграда...

И грезится – давно размытым бродом
Полоской лунной следуют по водам
Остатки партизанского отряда...

Лето

Июнь – Гроза. Кайбынь.

Раскатами над раненой Кайбынью
Блуждает эхо первого удара,
Сухое зачиналище пожара
Распластано довлеющею синью...

То ль местных сказок мальчик-богатырь
Разбил о мир гранитные коленки,
То ль страстный поцелуй кометы Энке
Опять настиг кержацкую Сибирь?

Нет – о печальной Шории кремень,
Из сумрака выпрастывая тень,
Ударило тяжёлое орудье.

Суровая громада останца
Познала руку Белого отца,
Снопамы искр воспламенив безлюдье.

Июль – Грани. Минусинск – Улала.

Иссушены овраги и болота,
Опалены степные логовины,
Забывшие оплакивают вины
Источники берёзового пота.

Безумный ас на бреющих проходах
Испепеляет грани и масштабы,
Чтоб взвыли даже каменные бабы
Над мужним прахом в рубленых колодах.

Дыханием жестокое светило
Затепливает адские горнила
Торфяников в пыли хмельного ража.

И внуки Киндикхана нервно курят –
Им кажется, что зло температурят
Вулканы Салтымаковского кряжа.

Август – Морок. Тяжин.

Торчат клоки стыдливого бурьяна,
Дрожат во сне промозглые распадки –
Больного лета странные припадки
Свежи, как пальцы близкого бурана.

Приправлен облик хмурого Тяжина,
Тончайшею белёсой паутинкой,
И сюрреалистической картинкой
Сочится время с крышечки «Лонжина».

Состав товарный, восемь пар вагонов...
Халтуру предварительных прогонов
Пережидают мелочные ветры...

Предав тревоги звонкому баяну,
«500-весёлый» катит к океану,
Чечёткой оглашая километры.

Осень

Сентябрь – Краски. Мрасский порог.

Сезонные расплёсканы оттенки
По сторонам наезженной дороги,
Чуть приобнявшей Мрасские пороги,
Чуть урезонив гулкие застенки.

От зоркого внимательного ока.
Не проникая в пасмурность глубоко,
Завесой чад сбегает по предгорьям.

Посланцы пятимесячного гнёта
Припудрили Киргизские ворота
На зависть близлежащим «лукоморьям».

Зима

Декабрь – Осадок. Шерегешский рудник.

Не назван, но является укладом
Скупой уют натопленной избёнки...
В границах полутёмной комнатёнки
Рабочий день, пожаловавший на дом, –

Клубок задач: одна, другая, третья...
Средь сонма лиц, как на киноэкране,
Чаинки в Мерилиссовском стакане –
Ровеснике железного столетья,

Сосватанные сахарным осадком,
Снижаются намеченным порядком...
За внешней рамой рисовая каша

Утюжит лист оставленной фанеры,
Да Утюя в сетях нездешней веры
Подводит счёт старлеткам Мундыбаша.

Интерлог

Неизбывная печаль одинокого искателя

1

Мой тусклый край: небрежные мазки,
Понурые случайные селенья,
Таскылы, что будила от тоски
Лишь гуннская волна переселенья, –

Уйду в тебя, приветить и впитать
Каменьями расцветенные ночи...
Я здесь размыт, я как бы между прочим –
Никчемный брат, эстетствующий тать...

Искателю положено искать, –
Чем пуще изукрашены горжеты,
Тем более терзают слух сюжеты,

Которым довелось его ласкать,
Когда в фаворе были откровенья,
И шансами казались преткновенья...

2

Уже сомнений вырвана чека,
Осталось выгнуть брови коромыслом
И рассказы наполнить здравым смыслом,

Превознося в стихах, забыв о лени,
Остатки укреплений Верхней Нени
Иль серебро бедняги Колчака...

Тяжелая, натужная строка
Не сразу застит мерный такт походки,
А скрип уключин старой доброй лодки
Она опять отторгнет свысока,

Пришпоривая загнанную статью
Искателя чудес и треволнений.
Простых картин и пышных обрамлений
Я череды не в силах обуздать...

Часть третья

Песнь Шории

Руслану Сидорову, моему другу

Воевать али пировать –
все равно, лишь бы грусть развлечь.

Дмитрий Гребенщиков

1

Привычно дик, печален древний край...
Предвосхищая тяжкую годину,
Он скальной твердью давит мне грудину:
«Ты с кем, усталый путник? Выбирай!..»

Таёжных духов смутные черты
Моей души готовят освоенье,
И лишь в кругу огня – успокоенье
Как отрицание вселенской черноты.

Один лишь шаг, и вот уже порог,
И что гадать – ты мог или не мог
Окончить срок предательским движеньем?

Как изгнанный Святыми чернокнижник,
Ты выпестовал здешний карагай.

Прописываясь в каменных громадах,
Влагая смысл в селения и своды,
Ты приютил колена и народы,
Произрастая в бесчисленных номадах.

Медвежьей крови дикий искупитель
И Чёрных гор неистовый строитель
Зря опасается дождя небесных стрел.

Живое воплощение проклятий –
Рост терриконов и спортсменских партий,
Величье звёзд и омертвление тел.

5

Величье звёзд и омертвление тел
Осознавая ныне в полной мере,
Внушая одомашненной химере,
Что больше не вредит ей белый мел,

Я тщусь постичь безбрежное двуличье,
Где шёпот сосен холоден и ясен,
Где снег берёз сменяет бурый ясень, –
Восточное былое пограничье.

Урочища волнений и пожарищ
Помазаны следами прежних капищ,
Купавшихся в мистическом улове,

Но я войду в дремучее сознание,
Жестокое и жаркое стелание
Предчувствуя в неслышном томном зове.

6

Предчувствуя в неслышном томном зове
Живую гипнотическую радость, –
Подложную пленительную сладость
Самоотказа в разуме и крове,

Я покоряюсь двойственной природе
Любви Твоей всецело, и отныне
Всё ближе к упоительной равнине
Соскальзываю

по сырой породе.

Но исполинов грозный хоровод,
Несущий смело купол горних вод,
Отнюдь не жаждет подношенья крови;
В угоду глазам перелётных птиц
Я отделил Закон от небылиц, –
Я мысленно ловлю Тебя на слове.

7

Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Не пробуя взрастить необходимость
Отринуть чаш глухую нелюдимость...
Хотя и сознаю, что наготове

Слепому гнева ржавая острога, –
Под пологом брезентового ложа
Жизнь кажется милее и дороже,
Способней к подведению итога.

Предросный сон опять роит фантомов,
И стук нерукотворных метрономов
Обозначает суточный предел.

Отторгнутый от мраморов и пиний,
Я растворюсь в местах казачьих линий,
Страшась опять остаться не у дел.

8

Страшась опять остаться не у дел,
К Тебе зывают толпы обречённых
Приверженцев теорий отвлечённых,
Грядущих в Беловодья новодел.

Не проще ль ждать, в предчувствии венца
Отдав себя растительному яду,
Что вострубят четыре раза кряду
Пернатые посланники Творца?

Озвученный Манакскою шиверой,
Ещё сочится полдень древней верой,
Окрашивая пасмурный восход,

И привлечён сокрытым достояньем,
Изобличён всегдашним обстояньем,
Пленён Тобой, замыслю я исход.

9

Пленён Тобой, замыслю я исход
Из череды неблагоприятных будней...

Поставленный на этом крае крест
Торчит из лба замёрзшего Пустага.

Насвистывая пошлую мазурку,
Проказник ветер подскажет демиургу
Со всепрощеньем лечь под образа.

Последний акт – прелюдия поминок,
Растасканы останки битых кринок,
Прикрыты истомлённые глаза.

12

Прикрыты истомлённые глаза,
Сухих теорий вырваны страницы...
Земная даль, прорвавшись сквозь ресницы,
Преобразит былинные леса.

Иссякнет видимость, уйдет былая цель,
И молоко, разлившись над простором
Забытых пасек, яростным напором
Польётся вниз, презрев познания щель.

Определяя погребенья скифов,
Трехглавый ужас доарийских мифов
Примеривает поведение пса.

Я забываю каверзы и беды,
А на щеке бедняжки Андромеды –
Лишь краткий миг, и проблеснёт слеза.

13

Лишь краткий миг, и проблеснёт слеза –
Простой ответ засилью лицедейства,
Повсюду восхваляемого действия,
Которому мы дарим голоса,

Мешая разгильдяйство с древним культом...
Внимательнее если присмотреться,
Окажется инфаркт «Стального сердца»
На деле – ишемическим инсультом...

Оскомину набившие попытки
Культур-неврологические пытки
Представить как высокое шаманство,

Я отсеку от музыки стремлений
Отживших и отшедших поколений,
Определив духовное лекарство.

Определив духовное лекарство,
Сберечь его стараясь ежечасно,
Я понимаю – это всё напрасно
В условиях привычного дикарства...

Но Ты – мой Друг и вторишь мне пристрастьем...
От верб цветенья

до хмельного злата,
От Огудуна и до Ерината –
Как Ты – в моей, так я – в Твоей лишь власти.

Всё изменяется, но всё ли изменилось
И в худшей ипостаси возвратилось,
Переродившись в сизокрылый гай?..

Пещерный оникс столь же многослоен,
И кедр ветвист, и соболь ладно скроен, –
Привычно дик, печален древний край...

Магистрал

Привычно дик, печален древний край,
Подёрнутый туманным серебреньем,
Извечным поступательным круженьем
Воссоздающий первобытный рай.

Величье звёзд и омертвление тел
Предчувствуя в неслышном томном зове,
Я мысленно ловлю Тебя на слове,
Страшась опять остаться не у дел.

Пленён Тобой, замыслю я исход.
Сподвигнутый Твореньем стрелок ход
Откроет мне наивное коварство.

Прикрыты истомлённые глаза,
Лишь краткий миг, и проблеснёт слеза,
Определив духовное лекарство.

Эпилог

Анданте для комуса и струнных

1

Я – верный страж мелодии плененной
И автор слов,

и перенос строки,

Простая мысль для пишущей руки, –
Смычок и резонатор для Вселенной

Мельчайших струн – теории виват!
Во истребленье штампов и канонов –
Живой пучок расчѐсанных нейронов,
Натянутый на костный аппарат,

Над позвоночной эфой заскрежешет...
Не предусмотрен к прошлому возврат,
Пока ещё разомкнут бархат врат,

Нет дела, что никто не рукоплещет...
И мой комус солирует и блещет –
Родня анакреоновых цикад...

2

Но отзовутся, резвы и вольны,
Лучи водой

искромсанного света;

Носители искомого совета

Доставят мне приветы старины:
Плач Эйлером терзаемой струны
И нафталин отжившего сонета...

Перкуссия дождя создаст объём,
И, понимая замысел не сразу,
Привычна слуху и не чужда глазу,
Тьма образов уйдѐт за окоём...

Те, что вернутся верить и молчать
С надеждою Вергилия и Данте,
Вольются в ток бредового анданте,
Которое не даст мне заскучать.

4. 08. 2010 – 31. 09. 2012

Авторские примечания

Прежде чем перейти к составлению примечаний, наличие которых мне, автору, представляется необходимым, я хочу сказать несколько слов, уважаемые читатели, о цели формирования этой книги, – а она была именно сформирована в единое целое из вполне самостоятельных, на мой взгляд, частей, – и о порядке этого формирования.

Цель, в данном случае, определена необходимостью, которую я сам считаю не только назревшей, но уже и перезревшей: необходимостью осмысления роли Шории – Кузнецкого края – в становлении русского сибирского самосознания, ценности отдельной личности в собственной судьбе этой земли и подлинных истоков движения по пути, которым мы – и земля, и личности – ведём друг друга, как мне думается, к взаимному разрушению. Попытка такого осмысления и стала основополагающей целью создания текста, предлагаемого вашему вниманию.

Почему я, русский человек, вдруг занялся темой Шории? – часто задают мне вопрос коллеги по перу. – Ведь есть же шорские писатели и поэты – это их хлеб. Уж не им ли воистину ведомо, о чём здесь писать и как? Не спорю... Они знают. Но их судьбы и судьбы края неразделимы – они плоть от плоти его, часть его. Им не нужно искать с ним общие язык и смыслы, как не надо голове искать их для общения с сердцем. А мне, как и прочим потомкам переселенцев, для кого эти тусклые предгорья Алтая стали домом по праву рождения, но в которых мы себя до сих пор подлинными домочадцами не ощущаем, – надо. Мы приняли заботу об этом непознанном сумрачном мире и должны следовать своему слову.

Для воплощения цели я избрал старомодную форму сонета и сделал это по двум причинам. Во-первых, я изначально решил, что работа над поэмой должна даваться мне трудно. Во-вторых, в самой сонетной форме, пусть и предстающей в тексте во всех мыслимых, а зачастую и немислимых облициях, незримо сквозит дух прошлого, где и следует искать истоки перезревшей ныне необходимости.

Работу я всегда начинаю с главного – поэтому и книга стала формироваться с конца, с третьей части – цикла «Песнь Шории», который без прикрас и обиняков вскрывает подлинную природу взаимоотношений края и современного человека. Это – настоящая книга. Далее в хронологическом порядке последовал «Временной круг» – точки соприкосновения представителя недавно ушедшего в небытие поколения и края в недалеком прошлом... Месяцы из жизни и того и другого вырваны из смутной памяти обоих, перетасованы и составлены в искусственный небывалый год. Это – память книги. После появились четыре пары сонетов – связки текста. Это – рёбра и опоры. И наконец – краеугольный камень и начало – источник всего. Это – легенда, небыль в историческом смысле, и быль в ментальном. Сказка о времени, когда закладывались основы нынешнего сосуществования.

Должен оговориться сразу: вошедший в книгу вариант легенды о Кузедее – плод как изысканий, так и воображения. Я предпочёл не обращаться за «информационной поддержкой» к представителям коренного населения, поскольку интересовало меня только то, как история о древнем батыре подошла «к современности» в русском переложении. Именно поэтому, «советчиками», помимо народной молвы, мне служили работы Конюхова, Вербицкого и Рериха, а слова, вложенные в уста Кузедее, следует оставить на совести моей и моего комуса.

Почему необходимы примечания? Основной причиной этому служит обилие в тексте географических названий, терминов, полузабытых ныне имён и исторических ссылок. Кроме того, используемая сонетная (вернее – околосонетная) форма диктует необходимость крайнего сжатия смыслов, которые иногда спрессованы в трудно поддающиеся расчленению массивы и сложные, разноплановые образы. Всё это, без сомнения, требует пояснения.

В примечаниях, которые, видимо, окажутся куда как объёмнее текста поэмы, будут также приведены уточнения, раскрывающие авторское видение того или иного описываемого события, и информация, проливающая свет на некоторые малоизвестные или не афишируемые факты непростой истории Шории–Кузнецкого края.

Сергей Ерофеев

Моему комусу

Комус (варган) – один из древнейших музыкальных инструментов. Представляет собой рамку с укреплённым на ней язычком. Рамка во время игры прижимается к зубам, язычок приводится в движение пальцем, гортань и ротовая полость выступают в роли резонатора. Часто комус аккомпанирует речи. Первобытные звуки инструмента мистифицируют слушателя, придают описываемым событиям налёт значимости, истинности.

Урус – русский человек. Слово «русский» представителям тюркоязычных народностей, видимо, было достаточно сложно для произнесения, в связи с чем и видоизменилось до такого состояния, став практически общепотребительным. В шорском наречии «русский», кстати, «казак», а не «урус».

Полонить – пленить, лишить свободы. Тема пленения, так или иначе, проходит красной нитью сквозь тело повествования, причём, в большинстве случаев, речь идёт о пленении или попытках пленения автора-рассказчика силами и затаёнными смыслами края-демиурга.

Искус – искушение. Если несколько сократить известное высказывание – «...каждый искушается... собственной похотью» (Иаков, 1-14). Ищущий истины искушается возможностью её обретения и неизбежно падает, поскольку возможность эта – суть фикция. И даже осознавая, что идёшь в поводу искуса, сложно отказаться от предложения, сулящего достижение заветной цели.

Кладезь – здесь в значении «колодец», то есть источник.

*

Евангелие (Благая весть) от Марка – единственная, на момент написания пролога, часть Нового завета, переведённая на шорский язык. К настоящему времени переведено и Евангелие от Иоанна.

Башибузуки – турецкие иррегулярные формирования, ополченцы. Термин часто употребляется для обозначения врага, отвергающего любые правила, способного на любую низость или жестокость. Православная церковь однозначно относит духов природы к сонму демонов.

...И три слона, в межзвёздье мироздания... – Если принять мыслительные построения древних, земная твердь покоится на трёх слонах. Сбросить «с натруженных хребтин» прах, в таком случае, – то же, что ввергнуть в бездну известный мир – само существование. Рассказчик здесь, введённый в транс звуками комуса, уходит от реальности, ввергает себя в поток грёз и воспоминаний.

Легенда о Кузедее

Глава первая

Полати – лежак, устраиваемый в русских избах под потолком, – либо между стеной и печью, либо в углу. В последнем случае – две стороны крепятся к венцам, свободный угол – к брусу, устанавливаемому в полу или закрепляемому в потолочной балке – матице.

...Сакральный танец матовых плечей... – Чтобы текст «легенды», уложенной в «твёрдые формы», не казался слишком однообразным я решил с периодичностью «через два» использовать «хромой» сонет. Помимо этого, уместным мне показалось и некоторое усложнение смысла, в том числе и намёк на эротический подтекст. Таким образом, повествование превращается в воспоминание о повествовании, расцветенное налётом чувства к первоначальной рассказице.

Молдум – эта река сейчас более известна под названием Кондома. Левый приток Томи. Исток находится в отрогах хребта Бийская Грива. Кондома впадает в Томь в черте современного Новокузнецка.

1

Выморочный – обречённый на гибель, отмирающий. Здесь имеется в виду отмирание крестьянского быта под натиском процессов урбанизации и индустриализации в первой половине XX века. Этот процесс в контексте поэмы можно рассматривать как превращение заштатного провинциального Кузнецка в «Стальное сердце Сибири» на рубеже 20–30-х годов, хотя подобное толкование, на мой взгляд, слишком поверхностно. В этом и следующем сонетах время раскручивается вспять, вновь открывая взгляду основные вехи, оставленные за спиной населением и территорией, но – в обратном порядке, оставляя нас у начала реальной и окончания легендарной эпохи.

...*Лесоповалом русских хороводов...* – аллюзия (намёк) на каторжную и лагерную судьбу Кузнецкого края.

Манчжуры – одна из народностей Дальнего Востока, в середине XVII века установившая власть над Китайской империей. Манчжурская династия Цин правила ею с 1644 по 1911 год. Конфликты между Китаем и Русским царством/Российской империей по поводу спорных территорий случались не раз, да иначе и быть не могло, учитывая гигантскую протяжённость (в XVIII веке и казахский хан присягал китайскому императору) и фактическую неконтролируемость границы, пролегающей в малонаселённых степных и горно-таёжных районах, а также и амбиции правящих кругов обоих государств. Строительство Кузнецкой крепости (1798–1826), к примеру, также было связано с «китайской угрозой». Поводом послужило резкое обострение отношений между императорами Павлом I и Цзяцином.

Ярмо – часть упряжи тяглогового рогатого скота, заменяющая хомут. Здесь употребляется в переносном смысле – время.

Франтишек Иосиф (Франц Францевич) де Гаррига (Дегаррига) – командующий войсками на Кольвано-Кузнецкой дистанции Сибирской линии пограничных укреплений, полковник. Речь идет об инциденте периода третьей ойрато-манчжурской войны (1755–1759). Спасаясь от истребления со стороны китайских отрядов, алтайские зайсаны (старшины) вышли к российской границе с просьбой принять их в русское подданство. Де Гаррига имел прямой приказ командования во избежание начала военных действий никого через границу не пропускать. Выбор был таков – подчиниться приказу и иметь на своей совести целый народ или не подчиниться и нести всю полноту ответственности за дальнейшие события. К тому времени как китайцы форсировали Катунь, Коллегия иностранных дел сняла с плеч полковника это бремя.

Премьер-майор – чин в российской армии XVIII века, соответствующий современному подполковнику. В тексте мною сознательно допущена неточность. Насколько мне известно, на момент «выбора ярма» де Гаррига был уже в чине полковника.

*

...*Заплоты, маяки и цитадели...* – Имеется в виду система пограничных укреплений – Кольвано-Кузнецкий участок Сибирской линии. Заплот – это сплошной глухой забор из уложенных горизонтально бревен, вставленных торцами в пазы столбов, отграничивающий некоторое пространство с той или иной целью. Маяк – укрепленный наблюдательный или сигнальный пункт. Цитадель – обычно, внутреннее, основное укрепление крепости. Здесь – как синоним слова «крепость».

Отец Василий – Василий Иванович Вербицкий (годы жизни: 1827–1890). Священнослужитель Русской православной церкви (протоиерей), выдающийся ученый-этнограф и лингвист, член Императорского Русского географического общества. Отец Василий многие годы

занимался миссионерской деятельностью, собирал образцы фольклора Алтая и его предгорий. По его инициативе была построена православная церковь в селении Аил (ныне часть села Кузедеево).

...Тропа людских бессилий... – путь в легендарную страну Беловодье, земной рай, зачастую отождествляемый с приснопамятной Шамбалой. В поэме намёки на этот «Потерянный Эдем» будут встречаться достаточно часто.

Киргизы – речь, разумеется, идёт о коренном населении Кузнецкого края, к которому термин «шорцы», в общем-то, неприменим. Однако «киргизами» переселенцы обычно именовали енисейских киргизов, кочевников-телеутов и джунгар называли соответственно «белыми и чёрными калмыками», собственно же население края – «татарами» или «кузнецкими татарами» (от самоназвания «тадар-кижи»).

...Признав в орле всесильного кумира... – «Тамга» переселенцев – двуглавый орел «Третьего Рима».

Алтарь – место, где происходит священнодействие. В данном случае, на алтаре Кузнецкого края слова в *Песне* демиурга складываются в начало новой эпохи, и облик края меняется с каждым следующим её словом. Поэма же – человеческая песнь, текущая параллельно песне мира и позволяющая определить значения слов и фраз, некогда переплетённых нечеловеческим сознанием.

2

Ермак – Ермак Тимофеевич (годы жизни: ?–1585) – казачий атаман, покоритель Сибирского ханства. *«Ермацкого наследья буйный век»*, следовательно, семнадцатый, а поскольку указано, что век этот шел «в гору», речь о первой его половине.

...На головёшках сгубленных трудов... – В XVII веке русские городки в Западной Сибири подвергались опустошительным набегам кочевников, и если укрепления – остроги, как правило, успешно держали оборону, то местность вокруг разорялась полностью.

Рогатки – оборонительные заграждения. Рогатка – конструкция из заострённых кольев, сбитых с горизонтальным брусом, отдалённо напоминающая плотницкие козлы.

Тын – изгородь из тонких жердей; обычный плетень также иногда называют тыном.

Избранный царь – Михаил Федорович Романов (годы жизни: 1596–1645), первый русский царь из династии Романовых. Избран на царство в 1613 году Земским собором. Упоминание о *молитвах* царя – намёк на патриарха Филарета, отца и соправителя Михаила, не только оказывавшего существенное влияние на сына, но и, по сути, определявшего политику Русского государства в первые десятилетия по окончании Смуты.

Светская власть – власть, на которую не оказывают существенного влияния установления господствующей церкви. В данном контексте –

просто государственная власть, однако, учитывая, что соправителем царя был отец-патриарх, об отсутствии такого влияния речь, мне думается, всё же не идёт.

Выселок, хутор – по сути, синонимы, – одно или несколько крестьянских хозяйств, расположенных за околицей поселения. Разница в названии может обуславливаться разве что местностью, из которой прибыли владельцы этих хозяйств.

Стан – обычно охотничий балаган или землянка, служившая пристанищем в тайге; однако здесь, скорее, – путевая, часто долговременная, стоянка переселенцев, иногда с вполне добротно срубленными строениями, позволяющими, к примеру, перезимовать. На это указывает и то, что слово употребляется в единственном числе – «стан», а не «станы», среди слов «выселки» и «хутора».

Кузнецк (Кузнецкий град) – прародитель современного Новокузнецка. Считается, что город основан в 1618 году отрядом служилых людей из Томска под предводительством Остафия Харламова-Михалевского и Молчана Лаврова. Однако эта версия весьма условна: попытки закрепиться «в кузнецах» случались и раньше, и строились острожки, в которых казаки отбивались от местных князей. Например, отряд Ивана Павлова укрепился здесь в 1610-м. Поселения же кузнецких татар и вовсе существовали на территории города испокон веку...

*

Лишающие – те, кто лишает. Первопроходцы открывали и осваивали новые территории, в первую очередь, для сбора ясака – дани для пополнения государевой казны. Сбор дани, что совершенно очевидно, предполагает лишение местного населения части охотничьей добычи или продовольственных запасов.

Колена – поколения. *Отторгнутые колена* – те представители родов, что не вписываются в рамки устоев и общепринятых правил. Не секрет, что в Сибирь зачастую шли люди, у которых были серьёзные проблемы с законом; или же те, кто жаждал хлебнуть вольной волюшки по азиатскую сторону Каменного пояса (Уральского хребта).

Уен (Уень, Уэнь) – река Иня, правый приток Оби. Фактическая восточная граница теленгетского (телеутского) государства. Теленгетское ханство просуществовало полтора столетия – с середины XVI века вплоть до 1717 года, когда джунгары переселили северных соседей в глубь своей кочевой державы.

Насельники – жители, те, кто населяет какую-либо местность, территорию, жилище.

Тюрки – группа народностей, объединённых по языковому признаку. Средневековые предания возводят Тюрка, мифического общего прародителя тюркских народностей, к ближайшим потомкам библейского Иафета, сына Ноя. Коренное население Кузнецкого края, – телеуты и

кузнецкие татары, а также их соседи алтайцы и хакасы, – относятся к народам тюркской языковой группы.

Юрта – переносное каркасное жилище степных кочевников.

...Преданьям вторя... – Существует легенда, что берёза – дерево, образ которого неотделим от образа России, – появилась в Кузнецком крае лишь с приходом первых русских поселенцев. Это обыгрывается в поэме довольно своеобразно – распространение берёзовых рощ – *акчышей* – трактуется Кузедеем как символ неизбежности русского владычества.

Глагол – здесь, в значении «слово».

Толмач – переводчик. В тексте указано, что переводчик – поляк по национальности, видимо, один из призраков Смутного времени.

Уч-Сюмар (Уч-Сумер, Белуха) – наивысшая точка Алтайских гор. Сюда держали путь искатели «земного рая», здесь чаяли они отыскать врата в сказочную страну Беловодье – землю вечной справедливости и благодати.

...Вожди себя отписывали в дар... – С усилением влияния Русского государства за Уралом всё больше сибирских правителей признавали себя вассалами русского царя и обязались платить ясак (дань) «в государеву казну». Первым среди князей «в кузницах», кто принял «покровительство» Москвы, был полупоэтический *Базаяк*.

3

Бурнус – просторный шерстяной плащ с капюшоном, обычно – белый. Вечные снега, плотной непроницаемой материей отягощающие горные вершины и плато, часто представляются впечатлительному созерцателю белыми одеждами.

Старишины – старейшины, выборные вожди, как правило, у народностей, где не сложилась наследственная аристократия.

Рериховская чуда – к использованию темы легендарной чуди, той самой, чей уход под землю от Белого Царя русских запечатлён на известной картине Николая Рериха «Чудь подземная» (1928 год), меня подтолкнул отрывок из «Кузнецкой летописи» Ивана Конюхова. Конюхов приводит свой вариант истории о Кузедее, фразой «поднялась на них чуда» снимая все вопросы о «национальной» принадлежности появившегося на Молдуме воинства. Теперь немного о природе этого воинства из текста поэмы: мы знаем, что изначально, это всё же *люди*, но ныне – это живой *прах*, представляющий собою *единую силу*, обитающую в вечных снегах Алтайских гор, то есть там, где должна существовать страна Беловодье. Мы также знаем, что людям этим введомо *мирская соль* (новозаветные носители истинного знания), но также и *тайны ведовства...* Чуть дальше (во второй главе) мы читаем, что языческая Сибирь – их *кормило*. Так кто же они, и что это за «Беловодье», искушающее страждущих возможностью земного блаженства и обрекающее на верную гибель? Думаю, ответ очевиден.

Воздух – тканый покров для священных сосудов, используемых в церковной практике для отправления Божественной литургии. Перекликается с темой алтаря и жертвенника.

Кольчуга – боевой доспех, представляющий собой длинную «рубаху», составленную из металлических колец.

*

Пришельцы – имеются в виду пришлые люди, русские переселенцы.

Средневековье – исторический период между античностью и новым временем. Нет единого мнения о конкретных границах этого периода, однако, применительно к Российской истории, в качестве его окончания логичным было бы принять либо второе (завершение Смуты и воцарение Романовых), либо последнее (начало этапа петровских реформ) десятилетие XVII века.

Крепь – укрепление, острог. Сибирские остроги – небольшие городки – представляли собой ряд рубленых строений жилого, бытового и религиозного назначения, окружённых частоколом с дозорными и проездными башнями.

Брение – грязь, прибитая и размоченная дождём пыль, прах. Звуки когуса возносят рассказчика над тяжестью напластований минувших столетий, позволяя взглянуть на события прошлого «незамысленным» взором.

Мятущиеся – при помощи когуса можно вполне натурально симитировать перестук копыт, а использование нескольких инструментов и, к примеру, голоса, даст и эффект приближения целого воинства.

Междуглавие

Батыр – у тюркских народов слово, обозначающее великого воина, богатыря.

Кузудей – татарский (шорский) воитель, по имени которого названо одно из старейших русских сёл Кузнецкого края. Имя это встречается в ряде сказаний, причём не только у населения Шории. В некоторых из них он именуется *дивнооким*, в связи с чем я, собственно, и упоминаю о его глазах. Как литератору, кстати, мне кажется весьма примечательным, что в произведении, состоящем всего лишь из двух глав, читатель знакомится с основным героем лишь по прочтении первой из них, то есть половины всего текста.

...Смерть времени... – Согласно тексту поэмы, Кузудей, – представитель той эпохи, что дошла до времени появления русских первопроходцев лишь полузабытыми сюжетами древних былин, бившийся с великанами, давным давно почившими, ставшими одинокими вершинами и, в большинстве, оплывшими и распавшимися. Что чувствует живой персонаж легенд в мире, где легендам более места нет? Каково невыполненное предназначение, не позволяющее ему умереть?

Страда – в данном случае, период косьбы, заготовки сена.

Острог – имеется в виду Кузнецкий острог. Существует версия, что изначально его поставили не на правом берегу Томи (у Вознесенской горы), где впоследствии и вырос Кузнецк, а на Красной горке, то есть на берегу Кондомы (Молдума). Этой версии придерживаются не все историки, но именно она принята в тексте как данность. Судя по особенностям местности, явно изменённой рукой человека, можно предполагать, что какое-то поселение на Красной Горке было, но вот русское или татарское – сказать сложно.

Глава вторая

Баянаул – горно-озёрный район на территории Казахстана. В Шории закатное летнее солнце опускается за линию горизонта как раз в направлении Баянаульских гор. Первый сонет второй главы вновь адресует читателя ко времени, когда историю о Кузедее услышал сам автор-рассказчик. Из контекста можно понять, что легенда была поведена ему за два вечера.

Сурьма – химический элемент, соединения которого издревле применялись для чернения ресниц и бровей.

Буриме – интеллектуальная игра, заключающаяся в составлении стихов на заданные рифмы.

Песня песней (Книга Песни Песней Соломона) – одна из книг Ветхого Завета, породившая немало споров в части трактовки. Так или иначе, эта книга – о любви.

4

Чаемый – желаемый. *Чаемым финалом* для выступившего из Алтайских гор войска, видимо, являлось уничтожение русских поселенцев и заложеного ими города.

...Заточённой нервной королевой... – «Нервной королевой» в тексте именуется Марина Мнишек – польская авантюристка, умудрившаяся стать русской царицей. Слово «королева» употребляется лишь для создания нужного эффекта, в жилах её не было ни капли королевской крови. По одной из версий, по окончании Смуты заключена в Коломенском кремле, где и скончалась; и хотя дата ее смерти (как и дата рождения) оспаривается, умерла она ещё до основания Кузнецка, – это несомненно. Упоминается в тексте как собирательный образ врага Московского государства того времени.

Калмыцкая гать (Калмыцкая дорога) – древний ясачный путь из Средней Азии в Западную Сибирь. Пограничные укрепления XVIII века возводились в предгорьях Алтая, чтобы перекрыть именно его, устранив тем самым единственную возможность для вторжения крупных сил неприятеля, в условиях практически непроходимого для войск региона. *Гать*, вообще, это дорога в болотистой местности, представляющая собой сплошную уложенную из брёвен полосу. Брёвна гати укладываются перпендикулярно направлению движения по ней, часто укрепляются лагами или же сбиваются скобами. Калмыцкая дорога, конечно же, не

была гатью, да и дорогой в привычном смысле – тоже, это просто пригодная для продвижения большого количества людей местность.

Приабинские аилы – поселения кузнецких татар, расположенные в районе реки Аба. Аба – левый приток Томи, некогда имевший сакральное значение для местного населения (слово «Аба» означает «отец»). Ныне – это отравленный промышленными и бытовыми отходами поток, забранный в пределах Новокузнецка в бетон. Сёла коренного населения севера Кузнецкого края – *улусы*, юга – аилы или аалы.

Кузнецы – кузнецкие татары. Считается, что население Кузнецкого края в древности мастерски владело искусством выплавки железа (кричный способ) и превращения этого железа в оружие и предметы быта.

Удел мертвецов – Территорию Кузбасса в прошлом населяли различные народности, которые приходили сюда из неведомых далей и впоследствии уходили в дали столь же неведомые. Многие современные поселения стоят на местах, обжитых человеком ещё в глубокой древности. По словам археологов, можно начинать копать на стрелке любых двух речушек и найти следы былого человеческого присутствия. Это, конечно, не совсем так, но доля истины в подобных утверждениях всё же есть. *Удел мертвецов*, – в данном случае, вовсе не кладбище, как может показаться на первый взгляд, а местность, где стояли жилища тех, кто уже мёртв.

Сокол – рогатина, спаренные колья. Фраза «сокол вышек», означает, что их две, например, в разных концах поселения.

Накаты изб – венцы, ряды брёвен, образующие сруб.

...сибирский непокой... – особое тревожное состояние сибирской природы и неотступное, непреходящее ощущение душевной тяжести, им порожаемое. Ощущение это – тёмная изнанка «сибирского характера», ставшего притчей во языцех.

*

Увал – протяжённая пологая возвышенность. Район нынешнего села Куздеево – местность, описываемая в поэме, – расчленён петлёй Молдума (Кондомы). Левый берег (западный, внешняя сторона петли) – спускающиеся к реке увалы, правый берег (внутренняя сторона) – поросшие тайгой сопки, – порождающие эхо *сварливые склоны*.

...Подставив струи вторгшимся ногам... – Дорога здесь сравнивается с потоком, выносящим предавших его власти людей к единственно-возможному, предопределённому месту – к своему устью.

Ясли – корыто для кормления скота. Слово это употребляется в тексте в несвойственном ему значении «скотный двор», то есть комплекс построек, где, собственно, и помещаются эти корыта. Исходя из общего контекста рождения новой эпохи, включить в текст упоминание о «яслях» я счел необходимым.

Топчан – здесь, в значении «чурбак».

5

Полдень – юг, южное направление.

...Для поколений, призванных отпасть... – Воины удивлены и указывают Куздею, что он – дряхлый старик, которому, видимо, недолго осталось существовать среди живых, представитель поколения, давным давно канувшего в небытие, и судьба его предрешена.

*

...сознание певца... – здесь, как и прежде, певец – это край-демиург.

...Открылись жару рыкающей рани... – Фраза эта свидетельствует о том, что события имели место утром, – Куздеей, отворачиваясь от войска, глядит в сторону поднимающегося из-за гор правого берега Молдума солнца, уже набравшего силу, ярящегося, подобно дикому зверю, готовому напасть. *Рыкающий* – издающий рычание, рык.

Редут – полевое укрепление, предназначенное для круговой обороны. Куздеево ещё в XVIII веке было *приграничным селом*, располагавшимся прямо на трассе Кольвано-Кузнецкого участка Сибирской линии укреплений. Здесь был «угол» границы, здесь она поворачивала к северу – на Кузнецк.

...Скала располовинилась навек... – «След от стрелы, пущенной Куздеем», это глубокое ущелье на правом берегу реки, в нескольких километрах ниже по течению. Скала, высящаяся рядом, называется Ог-аттыг-таш – Стрельный камень. В самом ущелье, ещё на моей памяти, существовал пионерский лагерь.

6

...прежде нас... – то есть впереди. Показавшему свою силу батыру было предложено вести воинство на Кузнецк. Надо сказать, что существуют версии легенды, где он согласился это сделать.

...жертвенный венец... – намёк на терновый венец Спасителя. Надеть на город венец мученичества означает предать поголовному истреблению его жителей.

...Открой нам путь... – Благодаря этой фразе мы понимаем, что вождям, в отличие от Куздея – местного жителя, не известно точное местоположение острога.

...с измахом десным... – со взмахом правой руки.

Хлопчатник – одна из древнейших масличных культур. Думаю, если бы чужд решила запалить город при помощи растительного масла, это было бы именно *хлопковое (хлопчатниковое) масло* из Средней Азии.

Москвитяне – бывшее наименование жителей Москвы, в более широком смысле – Русского (Московского) государства.

Прясло – секция ограды между двумя ближайшими столбами, либо участок стены-частокола между двумя стоящими рядом башнями.

...Сибирь своих дедов... – Этой фразой вожди не столько даже утверждают, что Сибирь в прошлом была под властью их рода, сколько акцентируют внимание Куздея, что он по крови и по духу ближе им, нежели пришлым.

...на их посту... – Имеется в виду либо сам город, либо вынесенный на некоторое расстояние в глубь территории сторожевой пункт.

...Христу и Михаилу... – то есть Богу и государю. Неоднозначный момент, который, как я предполагаю, может вызвать массу нареканий, поскольку формально, если не вдуматься в контекст, превращает былинного героя в мученика за веру. Здесь я имел в виду конечно не это, – фраза лишь характеризует Кузедя как одного из местных владельцев, признавших власть русского царя и обязавшихся платить ясак в казну. Хотя, отказавшись вести войско на Кузнецк, батыр пострадал за веру в том смысле, что сохранил русский город – базу её распространения.

*

Круг земель (Orbis terrarium) – расхожее выражение, восходящее к римскому государству. Римляне называли так известный мир, окружённый неведомым.

Споём, комус... – Вторая глава (вспоминание о втором дне повествования) заканчивается тем же, чем начинается первая, – обращением к комусу. Кроме того, здесь присутствует ряд ссылок на предыдущий текст – вновь появляются «брение веков», «ласки», «сказка» и «толщи Молдума», появляются, чтобы исчезнуть навсегда в глубинах памяти.

...*О том, что в вечность канул Кузедей...* – Уложить легенду со всей предысторией в пятнадцать стихотворных отрывков, припечатанных «стрелой кузедеевой», – достаточно интересный для меня опыт, а уж если оригинальничать, так до конца. Финал сжат в четыре строки и не оставляет никаких сомнений, – батыр поплатился жизнью за отказ нарушить данное им слово.

Село на границе горного округа

Дефиле – пригодный для передвижения войск путь в гористой или любой другой малопроезжимой местности.

Упоение тревоги – Сибирская граница в XVIII веке – далеко не самое безмятежное место: суровая природа, военная угроза, армейское и заводское начальство (приграничная территория Кузнецкого края входила в состав Колывано-Воскресенского горного округа), – все это накладывало явственный отпечаток нестабильности на быт местного населения.

Статут (statutum) – положение, правовой акт, предписание. Ударение в слове «статут», разумеется, приходится на второй слог, хотя в новом Российском государстве, пришедшем на смену «допетровской Руси», многие заимствованные слова произносились неверно.

...*вобановским редутом...* – *Себастьян Вобан (1633–1707)* – выдающийся французский военный инженер, мастерски применявший фортификационные схемы построения крепостей к особенностям местности.

Солнечные руны – похожие на молнии или преломлённые лучи руны «зиг», печально известные в образе нацистской символики.

Истерзанное ханство – Джунгария. По окончании третьей ойрато-манчжурской войны (1755–1759) Джунгарское ханство перестало существовать на политической карте.

...два чугунных крепыша... – шести- и двенадцатифунтовые орудия Каменского завода (г. Каменск-Уральский), которыми оснащались укрепления Сибирской пограничной линии. К настоящему времени от всей артиллерии дистанции Бийск–Кузнецк сохранились лишь несколько подлинных экземпляров: два в Бийске, четыре в Новокузнецке, два в Кемерово, один в алтайском селе Тогул, кроме того, периодически всплывает в печати информация о нахождении еще одного орудия в Новосибирске.

*

Тамга – У тюркских народностей *тамгой* именуется символ рода, клеймо, печать, удостоверяющие право на власть или право собственности.

...лозы демидовского пыла... – В верхней части гербового щита рода Демидовых изображены три рудознатческие лозы.

...в доле братской... – Заводы Кольвано-Воскресенского горного округа строились Акинфием Демидовым (годы жизни: 1678–1745). После его смерти они сменили собственника – отошли в ведение Императорского Кабинета. Однако положения заводских работников это отнюдь не улучшило.

...В тенёта... – Тенёта, то же, что и паутина, паучья сеть. Здесь с тенётами сравнивается черневая тайга с её переплетением ветвей и вьюнов, травами выше человеческого роста, болотистыми низинами и обилием диких зверей, – местность, где так легко заплутать и так сложно выжить.

...На брение променянный Эдем... – Вновь тема брениности, тленности человеческого существования, на которое Адам и Ева променяли Рай (Эдем), и поиска его земного аналога в горах Алтая.

Куртина – часть земляного вала или стены между двумя соседними бастионами или башнями.

Часть вторая

Временной круг. Зарисовки XX века

Валентин Александрович Кабин – выдающийся преподаватель, стоявший у истоков факультета русского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института, бывший некогда деканом этого факультета и проректором заочного отделения ВУЗа. Многие деятели искусства, культуры, представители сферы образования нашего города помнят его. Мне, в раннем детстве, довелось (фактически по чистой случайности) общаться с этим воистину достойным и мудрым человеком, рождённым ещё в имперское время и прошедшим со страной все перипетии железного XX века. Именно он вложил в мою голову мысли о необходимости осмысления окружающего нас мира.

Зима

Январь – Иглы. Транссиб.

Крещение (Крещение Господне) – церковный праздник, отмечаемый 19 января (6 января по старому стилю), и посвящённый крещению Иисуса Христа в реке Иордан Иоанном Крестителем. Крещенские морозы – одни из самых сильных. Словом *окурены* я намекаю на пар, которым в морозную погоду сопровождается человеческое дыхание.

...Обрамлена погасшими свечами... – *Свечками*, в просторечии, именуют одиноко стоящие высокие ели или пихты. Здесь – и как аллюзия на церковные свечи, зажигаемые у гроба, – тайга тиха и мертва.

Наития – догадки, идеи, в данном случае, те, что могли бы послужить спасению одинокого путника, однако их *блеск* уже спелёнут *саваном* – покрывалом, которым в гробу укрывают покойника.

Великий Сибирский путь (Транссибирская магистраль) – самая протяжённая железнодорожная артерия в мире, соединяющая Москву и Владивосток. Собственно Транссибом является участок трассы от Миасса до Владивостока (включая и КВЖД, проложенную по территории Манчжурии), построенный в период с 1891 по 1916 годы. Линия Транссиба проходит по северу нынешней Кемеровской области. Архаичное название «*Великий Сибирский путь*» свидетельствует о том, что описываемое событие имеет место в самом начале XX века.

Полумолитва-пулусутра – так я охарактеризовал срывающиеся с языка замерзающего человека фразы, густо замешанные на ускользающих надеждах и желании жить. Странное на первый взгляд сочетание христианских и буддийских мотивов вовсе не так уж и странно, если вспомнить о так называемых «деревьях предков» с повязанными на ветвях ленточками – в таком виде северных сибирских территорий достиг тибетский обычай развешивать на натянутых нитях разноцветные холсты с начертанными священными текстами, дабы ветер разносил по миру сокрытую в них мудрость.

Февраль – Истома. Тайбинка.

Тайбинка – район давным-давно закрытой шахты Тайбинская в Киселёвске – моя малая Родина. Как видите, уважаемые читатели, так или иначе я не мог обойти вниманием эту тему. Название шахты уходит корнями в местную топонимику и, следовательно, во мрак веков, когда территорию населяли кетские племена: слово *Тайба* означает, – если мне не изменяет память, – холодная речка.

...Неверного поветрия истома... – В конце февраля состояние природы заметно меняется, зима, хотя ещё удерживает занятые позиции, – заметно слабеет, и воздух наполняется влагой и предчувствием близких перемен, порождая позабытые мысли о неведомых далях и тайных смыслах существования, о «природе вещей».

Японские зоны – После Мировой войны Кемеровская область была наводнена лагерями для военнопленных. После сдачи Квантунской армии,

волны японцев захлестнули Сибирь – рассказы о них я во множестве слышал от старшего поколения, и рассказы эти ужасны. Особенно потрясла меня история, услышанная от отца Георгия (Балахнина), моего друга и некогда соавтора, уроженца Мундыбаша, как в детстве они с друзьями бегали в поля смотреть на бывших солдат Страны восходящего солнца, выкапывающих и поедающих дождевых червей. Не знаю, действительно ли военнопленные были заняты на строительстве Тайбинской, но так утверждал мой дед, потому эта информация и включена в текст.

Самурай – представитель японского военного сословия. После революции Мейдзи (1868–1869), оно было упразднено. Слово *самурай* употреблялось в годы войны для полупренебрежительного наименования солдат японской армии. Здесь, разумеется, используется в былинно-поэтическом контексте, как и упоминание о цветущей *вишне (сакуре)* – ностальгическом образе далекой и, возможно, навсегда потерянной Родины.

Терриконы – отвалы пустой породы, извлекаемой из недр земли при добыче угля, железной руды, полезных ископаемых. Окрестности шахты Тайбинская – настоящий «лунный пейзаж», вполне подходящий для съёмки «постапокалиптических» кинокартин.

Маганак – лягушонок. Маганак – речка в Кузнецкой котловине, левый приток Абы. Недалеко от Прокопьевска существует посёлок Северный Маганак, заселявшийся переселенцами в 30–40-е годы XX века.

Салаир (Салаирский кряж) – древние горы, самый северный участок Алтайской горной системы. Возвышенности близ Киселёвска и Прокопьевска – их отроги.

Весна

Март – Вести. Ишим.

Ишим – село Ишим (Ишимское), находящееся на бывшем Московском тракте, в северной части нынешней Кемеровской области.

...Улусами и русскими местами... – Из контекста стихотворения можно понять, что речь идёт о дореволюционном времени, возможно о 1910-х годах, времени, когда ещё сохранялась территориальная обособленность коренного населения края.

...Брачные обновы, уже приуготовленные к пиру... – *Брачные*, значит, – праздничные. В данном случае, это красные пасхальные облачения храма, приходящие на смену чёрным, соответствующим посту, – следовательно, пост, упоминаемый в стихотворении – Великий, а время – конец месяца, поскольку Пасха на март не выпадает.

...Колокол соборный... – *Собор* – большой храм. В данном случае *собором* я назвал, памятуя вовсе не о размерах, а о её исторической ценности, Церковь Нерукотворного Образа Иисуса Христа (в селе Ишим), где, в своё время, останавливались многие декабристы, А. П. Чехов, Николай II по пути с Дальнего Востока... Ныне этот великолепный образец сибирской архитектуры, к сожалению, представляет собой лишь живописные руины.

...*Земная смерть вновь стала иллюзорной...* – Пасха Христова, символизирует Воскресение Иисуса Христа – Его победу над смертью.

Апрель – Сила. Мундыбаш.

Мундыбаш – река, правый приток Кондомы. Название *Мундыбаш* означает «тысяча голов». Сплавная, порог «Чёртовы пальцы» (обозначенный в тексте как *Персты*) я и назвал «тысячеглавым страхом». Существует и посёлок Мундыбаш при слиянии реки с Кондомой.

Гольцы – горы с лишённой леса (голой) вершиной.

Звёздный круг – эклиптика, то есть годичный путь солнца по небесной сфере. Созвездия, которые светило проходит на этом пути – зодиак. Смена знаков зодиака лишь весьма приблизительно совпадает с периодами нахождения солнца в зодиакальных созвездиях. Так перемена *овнов на тельцов*, согласно постулатам астрологии, происходит с 20 на 21 апреля.

Вериги – тяжести, металлические грузы, носимые христианами подвижниками под одеждой для смирения плоти.

...*в животней пыльной книге...* – Фраза отсылает нас к словам молитвы Святого Симеона Нового Богослова из Последования ко Святому Причащению: «Несоделанное мое видесте очи Твои, в книзе же Твоей и еще несодеянная написана Тебе суть».

Крoвая Пасха – Речь о Пасхе 1939 года (9 апреля), когда цвет сибирского священства, согнанный на строительство Горношорской железной дороги (Сталинск–Таштагол), был уничтожен в урочище *Петухов Лог* за отказ выйти на работу в Великий церковный праздник. Людей убивали подручными средствами – топорами, мотыгами и лопатами.

Чугунаш – посёлок в верховьях реки Мундыбаш, на трассе железной дороги. *Водники* сплавляются либо от станции Калары, либо от Петухова Лога, находящегося ещё ниже по течению. Сезон сплава приходится на конец апреля – начало мая.

Воскресный луч – первый солнечный луч праздника Воскресения Христова. Сплав, видимо, приходится уже на 60-е годы, когда события прошлого стали воспоминаниями.

...*Прозрев Голгофу жертвенного лога...* – *Петухов Лог* называют Кузбасской *Голгофой*. В этом месте железнодорожные пути круто отворачивают от долины Мундыбаша, оставляя сплавщиков один на один с черневой тайгой.

Май – Стези. Салаир.

...*Свидетели триумфов и падений...* – Салаирские горы, бывшие в Гражданскую войну оплотом *партизанской* деятельности. Энтузиасты до сих пор ищут в здешних пещерах «серебро Колчака» (*сокровищницы*), а находят стоянки древнего человека (*жилища*). В отрогах Салаира – на территории современного Алтайского края – до революции существовал и единственный в Сибири пещерный скит (*подземные кельи*), созданный уже в начале XX века.

...*Строчки о цветении камелий...* – намёк на так называемые «белогвардейские» романы.

...*Чумышская неровная преграда...* – Река *Чумыш* «омывает» Салаирский кряж с трёх сторон. Упоминание о *давно забытом броде* переносит читателя в не столь уж далекое, но хорошо забытое прошлое – ко времени похода части отряда Григория Рогова на алтайское село Тогул, после зверств, учинённых в Кузнецке. По легенде, несколько орудий Кузнецкой крепости, за исключением единственного, которое они всё-таки довели и которое ныне стоит в селе в качестве мемориала, отряд утопил при переходе Чумыша – вековые пушки просто провалились под непрочный ещё лёд. То, что призрачный отряд идет по воде, подобно святым, в контексте вышесказанного – весьма недобрая ирония. До сих пор многие считают этих нелюдей героями.

Лето

Июнь – Гроза. Кайбынь.

Кайбынь – гора в Горной Шории (высота над уровнем моря – 1344 метра), известная месторождением меди. Трёхтонный самородок, установленный на Пионерском проспекте в Новокузнецке, именно из этого района. Кайбынь осталась в моей памяти в шапке низких туч, устремляющих к земле струи летнего ливня...

...*местных сказок мальчик-богатырь...* – Горные вершины, да и многие другие природные объекты в Шории, традиционно отождествляются коренным населением с почившими героями древних легенд или результатами их деятельности.

Комета Энке – комета, носящая имя немецкого астронома Иоганна Франца Энке (годы жизни: 1791–1865), который выделил её по результатам наблюдений и рассчитал период её обращения. Одной из наиболее правдоподобных версий Тунгусского катаклизма 1908 года, является столкновение Земли с обломком ледяного ядра этой кометы. Версия объясняет, в том числе, и траекторию небесного тела, и причину отсутствия его остатков в районе падения.

Печальная Шория – Шория, в моём представлении, скорее сумрачная, нежели печальная. На подобное сочетание слов меня натолкнуло название известного труда французского этнографа и антрополога Клода Леви-Стросса (годы жизни: 1908–2009) «Печальные тропики».

Останцы – скалы, оставшиеся после вымывания или выветривания окружавшей их породы. В горах Кузнецкого края *останцы* часты на вершинах гребней. В качестве примера можно привести знаменитые Спасские дворцы.

Белый отец (Белый Бурхан) – Бурханом народности Алтай именовали Будду. Весть о приходе белого всадника Ойрота – вестника Будды в начале XX века привела к появлению нового религиозного течения – бурханизма, отвергавшего шаманизм и культ предков и породившего всплеск антироссийских настроений.

Июль – Грани. Минусинск–Улала.

Минусинск–Улала – видимо, маршрут авиаперелета. *Минусинск* – старинный город на реке Енисей; находится на территории современного Красноярского края. Между основным руслом Енисея и Минусинской протокой расположен Тагарский остров, давший имя одной из известнейших археологических культур Сибири. *Улала* – село в Горном Алтае, нынешний Горно-Алтайск. В Улале в 1890 году скончался Василий Вербицкий.

Степные логовины – речь идёт о степных и лесостепных ландшафтах Хакасии.

...Источники берёзового пота... – Июльское солнце – жестокое светило – выдавливает по капле влагу из всего сущего, превращая березняки по логам в дрожащие, колышущиеся миражи.

...Безумный ас на бредущих проходах... – Строка, призванная усилить ощущение невыносимости летнего зноя, также намекает и на правильность мысли о перелете.

Каменные бабы – имеются в виду каменные изваяния Хакасии, установленные для поклонения древним населением.

Колода – чурбак, отрез толстого бревна, выдолбленный из такого отреза гроб.

...горнила торфяников... – Для Кузнецкого края торфяные пожары одно время были таким же неизживаемым бедствием, как для иных регионов землетрясения или наводнения.

...внуки Киндикхана... – Киндикхан (он же – Поднебесный Зуб) – отец всех гор. Здесь, ссылка на одну из любимейших книг моего детства – «Сказки Шапкая» шорского писателя Софрона Тотыша.

Салтымаковский кряж (хребет) – один из отрогов Кузнецкого Алатау – древние горы вулканического происхождения в центральной части Кемеровской области. Кряж образует водораздел между реками Тайдон и Нижняя Терсь; выходит к Томи у деревни Салтымаково.

Август – Морок. Тяжин.

Тяжин – станция на Транссибирской железнодорожной магистрали.

...Больного лета странные припадки... – так называемые «августовские заморозки», о которых местные садоводы давно и благополучно забыли. Приходились, насколько я припоминаю, на 10-е числа августа, когда ночные температуры начинали стремительно приближаться к нулю, зачастую преодолевая и эту отметку.

...сюрреалистической картинкой... – *Сюрреализм* – одно из направлений в искусстве XX века. Здесь – явно читаемый намёк на полотно Сальвадора Дали «Постоянство памяти» (1931 год).

Лонжин (Longines) – одна из наиболее популярных марок швейцарских часов в первой половине века. В 1923 году наручные часы с неизменной «крылатой колбой» даже получили статус официальных часов Международной Федерации авиации (*Federation Aeronautique*

Internationale.) Поскольку речь заходит о «крышечке» – это карманный вариант, скорее всего, в «трехкрышечном» корпусе. В Советском Союзе 30-х *Longines* часто использовались в качестве наградных, в том числе и структурами НКВД СССР.

...*Халтуру предварительных прогонов...* – В начале 30-х, в отличие от последующего десятилетия, многие ещё ехали «осваивать Сибирь» по своей воле.

...«500-весёлый» *катит к океану...* – Конечно же, – к Тихому океану, то есть на Восток. «500-весёлые» – поезда, составленные из товарных вагонов, в которых люди перемещались по стране. Об одном таком поезде мне рассказывал сам Валентин Александрович Кабин, прибывший в Новокузнецк (Сталинск) в 1931 году.

Чечётка (стэн) – популярный в 30–40-е годы танец. Со звуками чечётки мною сравнивается ритмический перестук вагонных колёс на стыках рельсов.

Осень

Сентябрь – Краски. Мрасский порог.

Мрасский порог – так в начале века обычно называли многокилометровый каскад Хомутовских порогов на реке Мрассу (Мрас-су), в месте, где она пересекает хребет Каратаг между притоками Кизес и Ташелга.

...*По сторонам наезженной дороги...* – имеется в виду дорога в объезд Хомутовских порогов (через поселок Кизес).

...*Стволы, вминаясь в давку злоклучений...* – речь идёт о молевом сплаве леса, то есть транспортировке древесины из мест её заготовки по рекам без составления плотов, – спиленные и очищенные от сучьев стволы плывут по речному руслу «поодиночке».

Манак – ещё одна ссылка на Софрона Тотыша. Манак, которую в стихотворении я именую царевной, – дочь Пустага, высочайшей вершины Шорского хребта (высота над уровнем моря – 1570 метров). Пустаг за неповиновение полоснул дочь саблей – её ребра образовали Мрасский порог.

Бучило – яма в речном русле, омут, водоворот. Один из наиболее серьёзных участков Хомутовских порогов назывался «Красилинское бучило». Он был взорван при советской власти, поскольку мешал лесосплаву.

...*В богатую червлёную оправу...* – То есть в запятнанную красным, испачканную кроваво-красной листвой; речь, конечно же, о склонах по сторонам реки как о *корсаже*, стягивающем раскрытый стан красавицы.

Октябрь – Бремя. Кузедеево.

Канон – совокупность действий или правил, применяемых в определённой последовательности.

Трианон – дворцово-парковый комплекс близ Версаля – резиденции французских королей, получивший своё название от находившейся на его месте деревеньки. С созданным самой природой королевским парком я

сравниваю раззолочённый листвой «Липовый остров» – реликтовую рощу в окрестностях Кузедеева.

...*филигранные кружала*... – *Кружало* – деревянные подпорки для последующей кладки арок, сводов. При возведении сложных архитектурных объектов часто являлись настоящими шедеврами плотницкого искусства. Словом «*филигранный*» обычно характеризуют точную, мастерскую работу, поскольку филигрань – одна из ювелирных техник.

Большой Таз – гора в Шории (высота над уровнем моря – 535 метров) в пятнадцати километрах от Кузедеева.

Андре Ленотр (1613–1700) – придворный садовник французского короля Людовика XIV, автор проекта Версальских садов, принимавший, насколько мне известно, и участие в создании садов Трианона.

...*Отходит от сиятельного смотря*... – Облетающая листва лишь на краткое время одаривает мир яркими красками.

Ноябрь – Чад, Сталинск.

Сталинск – Новокузнецк носил имя «отца народов» с 1932 по 1961 год.

Сукровица – бесцветная жидкость, выделяющаяся из ссадин, неглубоких ран на теле человека; на воздухе ссыхается коркой. С сукровицей в стихотворении сравнивается мелкий холодный дождь, идущий вперемежку со снегом.

...*котла людского*... – Под *людским котлом* подразумевается «*город имени вождя*». На строительство Кузнецкого металлургического комбината и нового «города Солнца» в своё время ехали самые разнообразные люди, по собственной воле и нет, в надежде избежать репрессий, построить для своей семьи и страны новое прекрасное будущее, просто выжить, – люди со всех концов огромного государства.

...*Над колокольной хлебокомбината*... – В 40-е–начале 50-х в здании Спасо-Преображенского собора работал хлебозавод № 3. Эта деталь адресует читателя к военному времени либо послевоенному десятилетию.

Замковая хребтина – Становая грива – возвышенность, врезающаяся в тело города. Прижатая к Томи её оконечность – Вознесенская гора – в первой четверти XIX века была увенчана Нагорной цитаделью Кузнецкой крепости, не полностью разобранные сооружения которой в 1870 году перестроили, приспособив для тюремных нужд – так был образован Кузнецкий тюремный замок, просуществовавший до 1919 года. *Редан*, вообще, – выступ с двумя фасадами (сторонами, обращёнными к противнику) в крепостном валу, задающий углы обстрела, – здесь устанавливались орудия. У собственно Нагорной цитадели пять реданов: три с северной стороны и два с южной, обращённой к городу. Редан под номером «шесть» расположен за пределами цитадели на валу, протянувшимся от Кузнецких ворот к довлеющему над рекой и ныне несуществующей Иванцевской протокой Нижнетомскому реду. *Бастион* – также выступ в крепостном валу, но имеющий помимо фасов

ещё и фланки (боковые стороны). Если редан в плане напоминает треугольник, то бастион – наконечник копья. Речь в тексте идёт, разумеется, не о реданах и бастионах цитадели (бастионов у неё, к слову, не было вовсе, – лишь полубастионы), а о некогда обрывистых склонах самой горы. Эти склоны смывались подаваемой к ним водой, и полученной пульпой заливалась болотистая территория нынешнего Центрального района, – вода уходила, а принесённая ею почва оставалась, – эта деталь сужает временные рамки началом 50-х годов.

...гроб болотной тины... – Значительную часть современного Центрального района Новокузнецка, как уже упоминалось, занимала болотистая низина – согра. Подготавливаемые к застройке её участки целенаправленно поднимались и осушались.

Посланцы пятидесятилетнего гнёта – снежинки. Территорию Кузнецкого края снег покрывает с середины ноября до середины апреля, если, конечно, не принимать во внимание хребты – горы Пустаг, например. В районе того же Кузедеева иногда даже в начале мая по ложбинам снега – по щиколотку, а, местами, и по колено. За прошедшее десятилетие дважды или трижды снег выпадал в День Победы – таков уж климат.

Киргизские ворота – ущелье к северо-востоку от города.

«Лукоморье» – употребляется в значении «сказочная страна». Да, Новокузнецк-Сталинск строили с установкой «сказку сделать былью», но «города-сада» всё же не получилось. Возможно, дело за будущими поколениями. Так или иначе, я считаю этот город достойным доли лучшей, чем судьба провинциальной окраины. Не помню, кто впервые назвал Кузнецкстрой «лукоморьями», – упоминание в тексте никак не авторская выдумка, а всего лишь врезавшаяся в память цитата, – не хочу присваивать чужие лавры.

Зима

Декабрь – Осадок. Шерегешский рудник.

Шерегешский (или Шерегешевский) рудник – горнодобывающее предприятие в Горной Шории, которому обязан рождением поселок Шерегеш. Разрабатываемое месторождение железной руды открыто в 1912 году братьями Шерегешевыми, обессмертившими свою фамилию.

...Скупой уют натопленной избенки... – Примерно в такой системе координат я представил себе вечернее совещание группы инженеров лет этак шестьдесят тому назад.

Мерилissoвский стакан – Пользуясь правом автора, я смягчил согласные, – на самом деле стакан «мерилизовский», то есть купленный в универмаге торгового дома «Мюр и Мерилиз», возможно – в головном, открытом в Москве на Петровке ещё в 1892 году (сохранившееся здание, а это нынешний ЦУМ, эксплуатируется с 1908-го). Предприятие носило имена своих основателей – выходцев из Великобритании (шотландцев по происхождению) Эндрю Мюра (1817–1899) и Арчибальда Мерилиза (1797–1877).

Железное столетье – XX век.

...За внешней рамой рисовая каша... – С рисовой кашей я сравниваю буран; при сильном ветре создается ощущение, что снежной крупой, словно абразивным материалом, природа пытается сошлифовать неровности местности, в том числе и человеческие постройки.

Утуя – одна из вершин в горах Пустаг (высота над уровнем моря – 1143 метра). У её подножия струится новорождённый Мундыбаш.

...в сетях нездеишной веры... – Под такими сетями можно понимать как Ветхозаветные заповеди, вкпе с Евангельскими блаженствами, так и Моральный кодекс строителя коммунизма, – всё это, так или иначе, пришло в Кузнецкий край–Шорию извне.

Старлетки – этим словом в Голливуде первой половины века обычно именовали молоденьких актрис-однодневок, связывающих свою, как уже следует из приведенной характеристики, недолгую карьеру, лишь с миловидной внешностью и усилиями по «обольщению» продюсеров. Со старлетками я сравниваю снежинки, «популярность» которых сойдёт на нет вместе с непогодой.

Неизбывная печаль одинокого искателя

Тусклый край... – Подлинный дух Шории раскрывается в пасмурные летние дни, в преддверии гневного ливня, когда воздух наполняет ощущаемая самыми порами кожи морось, и ледяные длани дряхлого демиурга расплескивают по долинам сумрак и неизбежную печаль существования. Вкусить этой печали и намеревается автор-рассказчик. Через два сонета интерлога, согласно моему замыслу, проходит черта между чужим и собственным опытом общения автора с тусклым краем.

Таскылы – гольцы, горы с лишённой леса (голой) вершиной.

Гуннская волна переселения – Гунны (хунну или сюн-ну) одно из племен Северного Китая, запустившее в конце IV века процесс, изменивший вектор развития человечества – Великое переселение народов. Продвигаясь на Запад, гунны постепенно вытесняли существовавшие на территории их продвижения племена, в том числе и в Европу, до тех пор, пока в Европе не оказались они сами. Существенно повлияли на судьбу Западного Рима, – вождь Аттила, к слову, воспитывавшийся в Вечном городе, провёл против Империи и её союзников ряд военных кампаний, кульминацией которых стала битва при Шалоне (иначе – на Каталаунских полях) в 451 году после Р. Х. – крупнейшее сражение первого тысячелетия.

Тать – слово используется в значении «недруг».

Горжет – стальной нагрудный щиток; знак различия в армиях Нового времени, впоследствии вытесненный погонами. По цвету и изображениям на горжете можно было определить полк и звание носителя. Здесь используется в переносном смысле, как символ статуса.

...Когда в фаворе были откровенья... – Быть в фаворе значит «предпочитаться».

*

...Росказни наполнить здравым смыслом... – Автор-рассказчик хочет на собственном опыте удостовериться в истинности того, что он слышал из чужих уст, отделить правду от вымысла.

Верхняя Неня (Верх-Неня) – село в Ельцовском районе Алтайского края. Верхне-ненинский рудот был частью Кольвано-Кузнецкой дистанции Сибирской пограничной линии укреплений.

Колчак Александр Васильевич (годы жизни: 1874–1920) – вице-адмирал, российский полярный исследователь, военный и политический деятель, один из руководителей Белого движения. Существует множество легенд, связанных с судьбой золотого запаса Российской империи; бытующие на юге Кузбасса истории о «серебре Колчака» – из их числа.

Часть третья

Песнь Шории

1

...древний край... – Цикл (я не стану употреблять слово «венок», поскольку подлинный венок, на правах строгой формы, диктует массу условий, мною не выполняемых) сонетов обращён к Шории, как существу, то есть предмету одушевленному, и заглавие третьей части поэмы, там самым, отвечает на вопрос «кому?» Каждый сонет здесь выполняет определённую функцию. Первый – вступление, знакомство; автор повествует о первом своём столкновении один на один с тёмной, недоброй силой земли, что, *предвосхищая тяжкую годину*, предполагает в каждом человеке, пересекающем цивилизационную границу, врага.

...Моей души готовят освоенье... – Духи природы, как уже упоминалось, причисляются к когортам демонов. Одиночные ночёвки в тайге, за много километров от ближайшего жилья, со всей явственностью убеждают в иллюзорности любого одиночества; они пробуждают осознание, что силы человеческие ничто перед ликом природы, и того, насколько она непрошеным гостям не рада... Совершенно иной, чуждый мир скрывается за границей круга, очерченного светом костра, и *один лишь шаг* за его пределы – именно то *предательское движение*, продиктованное искусом или, – вспомним Эдгара По, – «бесом противоречия», и пришелец уже в полной власти нечеловеческого рассудка.

Осины – Эти деревья пользуются недоброй славой, и вряд ли из-за легенды, утверждающей, будто бы именно на осине повесился Иуда Искариот. Считается, что в осинниках снятся дурные сны, и человек просыпается разбитым, если вообще просыпается. Лично я, разумеется, считая это суеверием, но в тайге редкий человек не становится суеверным.

2

...Увенчанный бесформенной короной... – Имеется в виду корона горных вершин, венчающая мир поросших тайгой каменных складок. Второй сонет приоткрывает тайну искусства, то, чем до сих пор привлекает *тусклый край* странников. Его притягательность – в первозданности, в

безлюдности, в *клубящихся* над кромкой горизонта *надеждах* на обретение *истинного знания*, осколков своего, реального Беловодья.

Писанные иконы – изображения Иисуса Христа, пророков и святых, выполненные (писанные) темперой или масляными красками на доске, покрытой специальным составом – левкасом. *Усмирённый писаной иконой* – принявший христианство.

Чернь – таёжная чернь, черневая тайга.

...Сменяемых с завидным небреженьем... – Под сменой *одежд* здесь понимается изменение облика края в зависимости от времен года.

Поступательное кружение – одно из проявлений диалектики как «учения о вечном становлении и изменчивости бытия». Отдельно взятое живое существо сталкивается в своём развитии с некоторым набором повторяющихся проблемных ситуаций, набором, меняющимся лишь с изменением вектора развития. Эти ситуации разрешаются на основании всего объёма накопленного на момент их проявления жизненного опыта, который от случая к случаю всё возрастает. С некоторой долей допущения, можно представить этот процесс движением по восходящей спирали.

3

...листья Твои слетают... – Листья названы в тексте листьями, по аналогии с листьями писчей бумаги. Я вовсе не намекаю на истории о том, что древние богатыри Кузнецкой земли писали друг другу письма. Листья – это отмирающие свидетельства очередного этапа существования территории, и спиральное их падение есть плод деятельного стремления к вскармливанию новой поросли, передаче ей энергии и информации; тем самым, нисходящее в пространстве, в данном случае, является восходящим в собственном развитии, приближающимся к точке изменения вектора этого развития. Третий сонет характеризует Кузнецкий край как неутомимого борца, раз за разом отражающего атаки цивилизации, и мистика, поколение за поколением культивирующего жизнь.

Фибоначчи (Леонардо из Пизы) – средневековый математик рубежа XII – XIII веков. Выделил последовательность чисел: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21 и т. д., где каждое последующее число является суммой двух предыдущих, названную впоследствии по его имени (вернее, прозвищу) последовательностью Фибоначчи. Этому, поистине удивительному, числовому ряду подчинены многие природные явления и процессы.

...В стремленьи овладеть воображением... – человеческим воображением, поскольку, как ни странно, именно человек был создан Богом как со-творец.

...железный крестный путь... – Речь вновь заходит о прокладке Горношорской железной дороги, которая для многих её строителей стала и крестным путем.

...Влача грехи, мотыги и лопаты... – Что касается *искателей и бунтарей*, думаю в излишние подробности вдаваться не стоит, скажу лишь, что можно вспомнить и историю заселения Кузнецкой земли, и «золотую

лихорадку», которой не избегли алтайские предгорья, и начальные этапы «капиталистического строительства», и советскую индустриализацию... А под «лихими азиатами» я подразумеваю уже упомянутых ранее японских военнопленных, причём если во второй части поэмы, посочувствовав их тяжкому лагерному быту, я показал читателям одну сторону медали «За Победу над Японией», здесь считаю нужным продемонстрировать и другую. Прежде всего, необходимо помнить – кто эти люди. Можно даже не акцентировать внимания на масштабах японских зверств в голландских, британских и французских тихоокеанских колониях, – уже перед тем, что натворила Квантунская армия в одной лишь китайской столице Нанкине в 1937 году, блёкнут ужасы Хиросимы и Нагасаки. Пользуясь правом автора, хочу вспомнить случай из тех, о которых рассказывала мне бабушка. Через село, где она училась в старших классах, а было это в 1946–48 годах, по этапу гнали японцев. На центральной улице конвой дал им передышку – возможность справить, как говорят, «естественные надобности», так эти «несчастные» заскакивали в первые попавшиеся изгороди. В результате, поскольку японцев было довольно много (несколько сотен), они сплошь изгадили все окрестные палисадники... Признаюсь вам, уважаемые читатели, и признание моё будет весьма «неполиткорректным», когда я думаю о том, как гордые «повелители Азии», ещё не смирившиеся со своей судьбой, сгорая от стыда, испражняются по свистку в далёкой сибирской деревне, я испытываю чувство глубочайшего удовлетворения... и гордости за свою страну, не только разгромившую Германскую империю, но вместе с союзниками ещё и Японскую, бесчеловечная политика которой на оккупированных территориях, связанная, в том числе, и с чудовищными медицинскими экспериментами, была заклеяна Токийским международным трибуналом.

...Воссоздающий первобытный рай... – Речь о невероятной способности демиурга залечивать нанесённые ему раны. Просеки затягиваются порослью, таёжные избы ветшают и разрушаются, размываются валы крепостей и редутов, заполняются водой выработки и карьеры. Эта воля к самовоссозданию, если вдуматься, поистине потрясает, однако, сдаётся мне, она не безгранична.

4

Чернокнижник – колдун, волхв, еретик. Четвёртый сонет повествует о деятельности демиурга в его извечном стремлении, посредством развития, к самосохранению. Фраза «зря опасается дождя небесных стрел», указывая, что деятельность эта не повлечёт наказания свыше, наталкивает на мысль об ошибочности первоначального мнения автора-рассказчика о демонической природе края. Видимо, совокупность всех существ, его населяющих, и стала в одночасье новым сверхсуществом, совершенствующим самое себя; так сообщество клеток образует обладающий личностью человеческий организм, или сообщество людей – нацию. Опасаться краю надо другого – промышленной разработки ископаемых, влекущей тотальное уничтожение

исконных ландшафтов, и туристских партий, стоянки которых в наше время часто больше напоминают отхожие места. С некоторой долей издёвки я назвал эти партии не спортивными, а *спортсменскими*, – в стилистике дореволюционной России, где клубы путешественников служили досугу интеллигенции.

Карагай – сосновые (хвойные) леса.

Номады – кочевники, переселенцы. Шория на своем веку повидала десятки народностей. Термин *номады*, к примеру, достаточно точно характеризует калмыков-джунгар, кочевавших по закабалённой ими территории (Джунгарскому ханству) и собиравших дань с продолжавших существовать там исконных кочевых сообществ и государственных образований.

Медвежья кровь – в устах представителей коренного населения эта фраза будет звучать как «*Аба-кан*».

Чёрные горы – эпитет «чёрный», не перевод названия (*шаныш* – это калина), а скорее дань роли гор Шаныш-Таг, отведённой им в местном фольклоре, как вратам в подземный мир – вотчину Эрлика.

5

Химера – существо с львиной головой, козым телом и змеиным хвостом, порождённое греческой мифологией. Иносказательно – идеи, закабаляющие разум человека, погружающие его в мир иллюзий, подменяющие собой или искажающие реальность. *Белый мел* – здесь символ избавления от таких представлений, зачастую навязанных извне, – мел, которым очерчивают грань, которую не способна переступить нечистая сила.

Безбрежное двуличие – дух края, как было упомянуто в третьем сонете, одновременно и злой и добрый гений; он предстает сразу в двух ипостасях, граница между которыми неопределяема для человеческого разума. Пятый сонет преподносит читателю твёрдое решение автора-рассказчика несмотря ни на что предать себя во власть демиурга, дабы отыскать точки соприкосновения с ним.

...Где снег берёз сменяет бурый ясень... – В тексте сонета *ясень* – не обозначение древесной породы, – он просто не растёт в Шории; это лишь обозначение ясных, то есть прозрачных, светлых лиственных, но не берёзовых, рощ.

...Восточное былое пограничье... – В течение длительного периода Кузнецкий край был пограничным или приграничным регионом Русского/Российского государства, а, следовательно, и форпостом европейской цивилизации в землях тюркоязычных народов.

Урочище – местность, кардинально отличающаяся от окружающей: например, долина среди гор, лес среди поля, место бывшего человеческого обитания или успокоения среди тайги. В тексте есть уточнение – «*помазаны следами прежних капищ*», иначе говоря, речь идёт о местах поклонения, *улавливающих* в свои сети человеческие помыслы.

6

...*Самоотказа в разуме и крове*... – Шестой сонет свидетельствует, что автор-рассказчик переступил цивилизационную границу, причём и в географическом, и в ментальном плане, добровольно оставив жилище и предав себя воле стихии, что «обществом потребления» может характеризоваться не иначе, как поступок неблагоприятный.

Купол горних вод – то есть вод, находящихся в небесной выси. В тексте – пасмурное небо, налитые свинцом тучи от горизонта до горизонта, поддерживаемые грядями скальных *исполинов*.

7

...*Под пологом брезентового ложа*... – под кровом палатки. Седьмой сонет повествует об уверенности предавшего себя во власть *тусклого края* автора-рассказчика, в подлинной необходимости совершённого поступка и собственной безопасности на выбранном пути, поскольку он принял на себя роль посредника-парламентёра, действующего от лица человеческого сообщества. Если не преступать границ дозволенного – границ определённого демиургом *Закона*, – заржавленное оружие останется недвижимым.

Фантомы – призраки. Здесь – вызванные дневным напряжением и беспокойством видения, что приходят во снах.

...*Стук нерукотворных метрономов*... – Со стуком метронома сравниваются звуки пробуждающейся природы – птиц и насекомых. Для лежащего в брезентовой палатке человека они – вестники наступившего утра.

Пинии – сосны. В более узком понимании – сосны средиземноморские. То, что автор-рассказчик оторгнут от *мраморов и пиний* свидетельствует о близости его духу скорее сумрачных тайн Шории, нежели итальяйских руин античности. Иначе, речь о предпочтении значимого модному или собственного пути общепринятому.

Места казачьих линий – территория края, некогда контролируемая русскими пограничными укреплениями.

8

...*Беловодья новодел*... – Фразу можно понимать двояко. С одной стороны, это озвученные представления новых «учителей» о путях постижения истины, которая, как и прежде, «таится» где-то в таёжном сумраке предгорий или среди вечных снегов Алтайских вершин как центра мироздания и колыбели народов. С другой – совокупность конкретных результатов нынешнего освоения некогда заповедных мест Саяно-Алтая, – рудники, вырубы, горнолыжные трассы, – Беловодье общества потребления.

...*в предчувствии венца*... – тернового венца – «венца мученичества». В сравнении с первой частью поэмы, налицо трансформация смысла данного понятия. Восьмой сонет приоткрывает завесу тайны над истоками решимости автора-рассказчика. Поскольку конец для всех

живущих един, всё различие меж ними – приложенные усилия по уяснению законов мироздания и смысла существования в мире и сосуществования с миром.

...предав себя растительному яду... – то есть алкоголю.

...вострубят четыре раза кряду... – ссылка на текст «Откровения Святого Иоанна Богослова». Ангелы – пернатые посланники Творца – согласно тексту «Пророчества» должны протрубить семь раз; здесь говорится, что ко времени человеческой смерти – успеют лишь четверо. Воспринимать эту информацию можно по-разному; пусть внимательный читатель найдёт в ней собственный смысл.

Манакская шивера – Мрасский порог.

*Полдень – Отголоски прежней жизни людей, населявших Шорию–Кузнецкий край в глубокой древности, флюиды всех прошедших здесь народностей и бытовавших культур до сих пор накладывают, подчас едва уловимый, отпечаток на характер этой земли, – отпечаток, который, как правило, и притягивает сюда *искателей*, поскольку принимается ими за мимолётные проблески утерянных истин.*

9

*...тосклив и складен... – прост и лишен ярких впечатлений. Девятый сонет цикла повествует о родившемся у автора-рассказчика замысле об *исходе* из закабаляющей суеты повседневности, исходе из урбанизированной среды и сопряжённых с решением о реализации этого замысла сомнениях.*

Патын – горы на юго-востоке Кемеровской области (высота над уровнем моря – 1630 метров). Местность, имеющая сакральное значение для коренного населения. Согласно преданиям, Патын – обитель Ульгена – Творца, за шесть дней создавшего сущее. Иными словами – Создателя. В недрах Патына спелеологи ищут пещеры – подгорные чертоги, никогда не знавшие человека. Я, со своей стороны, считаю, что подобные места, имеющие фундаментально-религиозное значение, должны быть недоступны для обычного посещения.

Уловить – поймать, обездвигить. В данном контексте – замедлить течение времени.

10

Праг – порог, здесь – речной порог. Десятый сонет соотносит цели автора-рассказчика и края-демиурга, попытки противостояния которого антропогенным изменениям, при всей их неотвратимой успешности в каждом отдельно взятом случае, в совокупности заведомо бесплодны, поскольку человек преобразует местность много быстрее, чем край сводит на нет эти преобразования.

...мощами вчерашних дезертиров чьих-то дум... – Мощи – это останки. Таким образом я характеризую древесные стволы, бывшие некогда «телами» стройных красавцев-кедров, воспетых поэтами и запечатлённых художниками-пейзажистами.

Драга – самоходный агрегат, используемый в золотодобыче. Продвигаясь по руслам ручьев и речек эти землечерпалки «перелопачивают» местность. Так, верховья Мрассу, *отвергшие беспечное фицлярство*, поистине изуродованы ими. Однажды, было это в 2004 году, видел драгу вблизи, по дороге на сплав, – серая махина, высотой с трёхэтажный дом, урчала посреди булыжного поля, – любопытно, конечно, но, по существу, ничего особенного. Надо сказать, воспоминание связано не с ней, а с «горизонтальным дождём», – мы находились на уровне низких дождевых облаков, ветер гнал капли на нас и, в результате, вымокли мы только с одной стороны. Сейчас золотодобыча в Горной Шории практически сошла на нет – действуют лишь одна или две драги. В столице «алтайского Клондайка» – Спасске, недалеко от ручья, где впервые началась промышленная добыча «вечного металла», на постаменте установлен одинокий черпак – эффектная точка золотой эпопеи.

...воссиявший зрак... – иносказательно, внимание демиурга. «Всевидящее Око», однако не Творца, а, пусть и властного, но всё же творения.

...механизмов полстолетних... – Сохранившиеся в тайге драги представляют собой очень старые агрегаты.

11

...Заветных долов плиточный гранит... – Одиннадцатый сонет демонстрирует сегодняшние реалии – те, что автор-рассказчик наблюдает в Шорских горах и с которыми он не способен смириться. Гранитная плитка – облицовочный материал, используемый для отделки фасадов, холлов, террас гостиничных комплексов, плодящихся ныне на юге Кузбасса как грибы. При возведении этой, имитирующей иностранные курорты, «потёмкинской Европы», как правило, не учитываются ни этнокультурные, ни религиозные, ни просто эстетические обременения, накладываемые богатейшей историей «осваиваемых» территорий.

Торный овраг – овраг, руслом которого проложена тропа, колея, дорога.

...Поставленный на этом крае крест... – Поклонный крест, установленный на одной из вершин в горах Пустаг, вызывает у меня смешанные чувства. С одной стороны, идея понятна и могла бы даже приветствоваться, если бы не место её воплощения. Пустагские горы издревле чтятся местным населением, – для той его части, что до сих пор придерживается традиционных культов, они являют собой сакральное «место силы», посягать на которое, я думаю, не следовало. Не следовало продавливать установление довлеющего над местностью христианского символа, наперекор мнению людей, для которых эти горы сами по себе святы. Не лучше ли было, вспомнив подвижников Алтайской духовной миссии, почтить их память возведением креста в Куздееве или Спасске? Этот акт был бы логичен и обоснован, а его инициаторов нельзя было бы заподозрить ни в невежестве, ни в гордыне.

Мазурка – европейский танец, в данном случае, банальная чужеземная мелодия – издѣвка скитальца-ветра над обессиленным титаном.

...лечь под образа... – то есть подобно телу, приготовленному для совершения заупокойного обряда.

Прелюдия – вступление; действия, предваряющие основные события.

Кринка – глиняный сосуд для молока или получаемых на его основе продуктов. При земляных работах на территории старинных селений осколки (черепки) кринок, названные в тексте *останками*, встречаются во множестве.

12

Былинные леса – тайга Шории, где, согласно преданиям (*былинам*, сказаниям, эпосу), разыгрывались великие битвы богатырей и кипели нешуточные страсти. Двенадцатый сонет цикла свидетельствует о попытке автора-рассказчика отрешиться от воспоминаний о плодах человеческих рук, углубившись в глухие дебри, понимая, тем не менее, что процесс изменений однонаправлен и уже необратим.

...Молоко, разлившись над простором... – Убранный ожерельем Млечного Пути чёрный купол ночного неба. Небо Шории восхитительно. Вглядываясь невооружённым взглядом в беспредельность космоса, понимаешь, что человек – лишь ничтожная частица мироздания, однако без существования его сознания, всё сущее не теряет смысл, разве что для самого Создателя.

...познанья щель... – прищур глаза, основного инструмента познания человеком окружающего мира.

Скифы – совокупность совершенно отличных друг от друга народностей, населявших в древности степные и лесостепные районы Евразийского континента и, по сути, объединённых лишь схожестью образа жизни и ряда обычаев, в том числе и «звериным стилем». Хотя скифы Западной Сибири и относились к европеоидному антропологическому типу, их культура и верования совершенно иные, нежели у эллинизированных царских скифов или сарматов Причерноморья и Поволжья.

Трёхглавый ужас доарийских мифов – пёс Цербер. Считается, что скифы Европы, перенявшие многие греческие представления, – выходцы из нынешнего Ирана. Как уже упомянуто, они к территории Кузнецкого края не имели никакого отношения.

Андромеда – персонаж греческого мифа. Эфиопская принцесса, дочь Цефея и Кассиопеи, освобождённая героем Персеем от участи быть пожранной морским чудовищем – Китом. Ныне герои легенды, включая и крылатого коня Пегаса, – созвездия. Слеза на щеке Андромеды, скорее всего, метеор.

13

Стальное сердце – «Стальное сердце Сибири». Так некогда именовали легендарный Кузнецкий металлургический комбинат – детище Копикуза и Кузнецкстроя. В обобщённом смысле – порождённый им Новокузнецк. Ныне

комбинат не существует – теперь это безлика «промплощадка бывшего КМК». *Инфаркт «стального сердца»*, крайне негативно сказавшийся на экономике города, имеет причиной те деструктивные изменения, что привнёс в российскую действительность период «дикого капитализма» 90-х годов «железного» века. Гигантское предприятие, вырабатывавшее советские мощности в течение десятилетия, с его устаревшими технологическими процессами и оборудованием, к началу двухтысячных в существовавших условиях хозяйствования было обречено. Вряд ли можно найти какое-либо более адекватное сравнение политики «либерал-реформаторов», нежели с инсультом – кровоизлиянием в мозг государственного организма. Надо сказать, что судьба Новокузнецка во многих отношениях схожа с судьбой другого Великого города – Петербурга, возможно именно поэтому Северная Венеция так популярна у новокузнецчан, перебирающихся в Европейскую Россию. Оба созданы невероятным напряжением сил всей нации, оба носили имена «вождей мирового пролетариата», оба – средоточие труда и смыслов целой эпохи, вынужденные в современной России смириться с несвойственной им ролью. Тринадцатый сонет демонстрирует итоговое решение автора-рассказчика, переосмыслившего своё отношение к будущности как края, так и города, ибо рок их оказался на удивление схож, и поставившего во главу угла идеалы и устремления прошлого в качестве основы предстоящих свершений.

Шаманство (шаманизм) – религиозная культура, построенная на поклонении духам природы и духам предков. Входящий в транс шаман служит не только связующим звеном между человеческим миром и духами, но и посредником между людьми и божествами Верхнего и Нижнего миров (Ульгеном и Эрликом).

14

...В условиях привычного дикарства... – Завершающий, четырнадцатый сонет, подводит итог повествованию – воззрения автора-рассказчика изменились, в то же время демиург воспринял его как существо, не приносящее разрушения и уже оттого приемлемое.

...От верб цветенья до хмельного злата... – Иными словами, от ранней весны и до глубокой осени.

Огудун (или Огутун) – вершина в Шории (высота над уровнем моря – 1320 метров). Сын Пустага, которому взбешённый отец отсёк голову.

Еринат – речка в глухой хакасской тайге, близ которой находится заимка староверов Лыковых. Последняя из Лыковых, Агафья, живет в тех местах до сих пор.

Гай – воронья стая.

Пещерный оникс (кальцит) – натёчная горная порода, образованная наслоениями минеральных веществ, просачивающихся вместе с водой сквозь своды пещерных лабиринтов. Образует сталактиты и сталагмиты.

...соболь ладно скроен... – то есть грациозен, красив. Соболь, некогда подвигавший в далекие сибирские земли русских первопроходцев, в шорской тайге ныне встречается крайне редко.

Магистрал

Определивший первые строки всех четырнадцати сонетов «Песни» и, естественно, написанный первым, магистральный сонет передает общее её настроение, – состояние духа автора-рассказчика и, кроме того, отражает глубинный смысл повествования, хотя подчас и ускользающий от сознания при прочтении текста, но все же сквозящий между рифмованных строк.

Анданте для комуса и струнных

Анданте – один из музыкальных темпов, также – музыкальная пьеса, написанная в этом темпе. Представить себе классическое произведение для предлагаемого названием поэмы состава музыкальных инструментов (то есть варгана и группы струнных) достаточно непросто, впрочем не сложнее, чем поэму о Кузнецком крае, написанную сонетной формой. Под *струнными* я полагаю инструменты человеческого духа.

...страж мелодии плененной... – Этим «Цербером» является сознание автора-рассказчика, допускающее или же нет течение мелодии.

...теории виват... – Имеется в виду «теория струн», ставшая основой для поиска универсальной «разгадки тайн мироздания» в XX веке.

...пучок расчёсанных нейронов... – аналогия расчёсанному конскому волосу – «звукоснимателю» смычка. *Нейроны* – нервные клетки, структурные единицы нервной системы.

Эфы – резонаторные отверстия в корпусах ряда струнных музыкальных инструментов (например, скрипки), имеющие форму латинской литеры «f».

...разомкнут бархат врат... – то есть бархатный занавес сцены. Иносказательно, – «пока продолжается действие».

Анакреон (Анакреонт) (годы жизни: ?–487 до Р. Х.) – древнегреческий поэт. Строка адресует читателя к оде Анакреона «К цикаде».

*

...Лучи водой искромсанного света... – Речь идёт о проявлении дисперсии света (разложения его на составляющие цвета) в природе – о радуге, расцветивающей небо после (иногда и во время) продолжительного летнего ливня.

Леонард Эйлер (годы жизни: 1707–1783) – российский математик швейцарского происхождения. Участник, наряду с Жаном д'Аламбером, Даниилом Бернулли и Жозефом Лагранжем, «спора о звучащей струне».

...нафталин отжившего сонета... – В настоящее время сонетная форма многими представителями литературного сообщества считается атавистической. *Нафталин* – химическое вещество, используемое в том

числе и как инсектицид, – средство от насекомых, например от моли, откуда и переносное значение.

...*Перкуссия дождя*... – барабанный перестук капель, ударяющихся о твёрдые поверхности. Вообще, *перкуссией* именуют группу ударных музыкальных инструментов этнического толка, а также звуковые эффекты, создаваемые с их помощью.

Окоём – линия горизонта, *окаймляющая* видимый мир.

...*С надеждою Вергилия и Данте*... – ссылка на сюжет «Божественной комедии» Данте Алигьери (годы жизни: ?–1321). Древнеримский поэт *Вергилий* (годы жизни: 70–19 до Р. Х.) выступает в произведении в роли проводника и спутника великого итальянца. Над воротами «дантова ада» была начертана фраза «Оставь надежду всяк сюда входящий». Сонеты Данте – прославленные произведения искусства. Само слово «*анданте* (*andante*)» в названии поэмы изначально возникло в качестве простого каламбура – как «*не Данте* (*unDante*)», каламбура, который можно рассматривать в качестве проявления авторской самоиронии.

19. 05. 2013

Оглавление

Вместо вступления	4
Пролог. Моему комусу.....	5
Часть первая. Легенда о Кузедее.....	6
Часть вторая. Временной круг. Зарисовки XX века.....	13
Часть третья. Песнь Шории	19
Эпилог. Анданте для комуса и струнных.....	26
Авторские примечания.....	27

Команда проекта:

Автор: Сергей Ерофеев

Редактор: Татьяна Николаева

Корректор: Николай Калашников

Художник: Олеся Ходакова

Автор фото: Анастасия Полищук

В качестве эпиграфа к поэме использован текст песни
Дмитрия Гребенщикова «Эхо».

Тираж 100 экз.

Издательство «Ник без Компані»